

Вячеслав Ядаганов

ОСКОЛКИ 2

Сборник рассказов

2019

ББК 84(Р2ос-Рус)6-4
Я 320

Вячеслав Ядаганов
Осколки 2: сборник рассказов. – *2019, 173 с.*

© Ядаганов В., 2019

Содержание

1. От автора.....	4
2. Грамоты.....	9
3. Улаган.....	18
4. Птичка-Синичка.....	26
5. Белтир.....	37
6. Случай в московском метро.....	46
7. Шебалинские доярки.....	53
8. Конь.....	65
9. Трудовая книжка.....	76
10. Аппендицит.....	83
11. Медведица.....	94
12. Календарь.....	106
13. Лошадка.....	112
14. Друг мой Пашка.....	116
15. Перевал.....	125
16. Улаганские «апачи».....	136
17. Красная машина.....	142
18. Первая и последняя.....	150
19. Дворник.....	155
20. Чиновник.....	162

От автора

Здравствуйтесь, дорогие мои читатели!

Я очень рад, что мы снова встретились. Значит, нашлось что-то интересное в моих «осколках», осколках жизни, если вы взяли в руки и эту книгу. А я снова покопался в этих своих старых осколках, и кое-что выбрал. Получились «Осколки 2». Они о том же: о судьбах, о разных ситуациях в жизни, о дружбе, о любви... В общем, о людях, о нас.

На первую книжку откликнулись многие. По почте электронной, по телефону, и, как говорится, с глаза на глаз. Друзья, одноклассники, родственники, знакомые, незнакомые. Из Улагана, из Горно-Алтайска, из районов, из Сахалина...

Кто-то вспомнил детство, кто-то юность, подумал, все ли делали, как надо.

Кого-то глубоко тронул какой-то эпизод, кто-то всплакнул, кто-то рыдал...

Кто-то в этих осколках-рассказах узнает себя, своих знакомых, кто-то дополняет что-то, кто-то соглашается: да, так было. Кто-то тяжело вздыхает: местами напряженные и острые, но сам и заканчивает:
осколки же...

Как и в первой книжке, здесь нет выдуманных историй, чтобы развлечь читателя. Наоборот, где-то смягчаешь, меняешь имена, потому что в действительности было еще острее.

Было приятно, когда Татьяна Тадыева, профессиональный журналист, заместитель редактора нашей Улаганской районной газеты, единственный сегодня сотрудник редакции, который начал работать в первые годы основания газеты, написала отзыв, рецензию на мою первую книжку, которой и закончу свое обращение.

Искренне буду рад, если вы отзоветесь и на эти, следующие, «осколки».

Здоровья вам, дорогие читатели! Будьте всегда искренними!

**Рецензия на книгу
«ОСКОЛКИ» – РЕАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ
РЕАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ**

В начале 2019 года вышла в свет книга В.А. Ядаганова «Осколки». Это сборник рассказов и стихов, в каждом из которых автор рассказывает реальные истории реальных людей. Не уходя далеко, хочу сразу признаться в том, что для меня, наверное, и для многих других, Вячеслав Ядаганов более известен как первый избранный глава муниципального образования «Улаганский район», основатель районной газеты и телевидения, а также как успешный предприниматель. Прежде я слышала, что он – человек грамотный в литературном деле, но представлялось это как-то смутно. Думаю, многие недоумевали, когда узнали, что он издал свою книгу. Ведь, как говорится, акулы вышеуказанных сфер мало когда интересуются письменной речью в художественно-литературном стиле. И вот, прочитав «Осколки», я еще раз убедилась в том, что субъективное мнение о людях обманчиво. Мои сомнения насчет писательского таланта автора были развеяны уже в ходе прочтения введения и нескольких рассказов, посвященных:

1) первой учительнице, привившей любовь к чтению и литературе;

2) первой попытке опубликовать первые стихи и рассказы в республиканском массовом периодическом издании.

Именно такой подход автора к структуре книги, наверное, ненавязчиво объяснял читателю, что «Осколки» – это не первые его рассказы и стихи, написанные от делать нечего в зрелом возрасте.

Процесс чтения не был затянутым и не угнетал сознание обязательством. Потому что не извилистый, но жизненный сюжет каждого рассказа; не навязчивый, и в то же время не просторечный, но доступный текст, в котором соблюдены главные каноны художественно-литературной речи, ласкают восприятие читателя.

Несмотря на то, что в сборнике не прослеживается особая хронология событий и историй, и книга не разделена на условные части, ясно представлены осколки жизни автора. Там четко описаны:

1) любовь к детям, супруге, родственникам, к родной земле, где родился и жил;

2) память о талантливых и трудолюбивых коллегах, о земляках;

3) трудовые будни;

4) воспоминания родных и близких о тяжелых годах революции, перестройки в истории нашей страны в 20 в.;

5) переживания: «... Я стоял, как говорят «как вкопанный». Вдруг стало очень тихо, это они заглушили движок. А я даже не заметил, что он работал. Журналисты попрыгали в машины и уехали. А я стоял, оглушенный увиденным. Хотел себя щи-

пать и щипать, в надежде, что это сон. Была холодная осенняя ночь, но мне было жарко, я поднял глаза, далеко в небе мерцали звезды, чуть ниже темнели силуэты высоких скал... Вам никогда не хотелось волком завывать?» (стр. 68-69).

Вот почему книга названа «Осколки», ведь именно из осколков множества событий и историй и состоит наша жизнь. А что касается жизни, как таковой, то автор пишет: «... Мы идем по жизни, как по тонкому, хрупкому стеклу. Кто-то идет не торопясь, расчетливо, продумав и спланировав каждый шаг, иногда опускаясь на четвереньки, когда нужно, чтобы стекло не треснуло, и доходит, доползает до своего финала, не оставив ни одной трещины» (стр. 105). И это действительно так. Наша жизнь – это осколки, в одном из которых все мы, как автор рассуждаем и переживаем, каемся, правильно ли поступили или нет: «Беру в руки следующий осколок. Острый, скорее, порежусь. Про повара рассказ. Парня принял на работу, а он повара убил. Женщину. Ночами не спишь, думаешь. Правильно ли поступил, почему принял, если бы не принял, то ...», в другом – разбираем вечную тему, в которой у каждого из нас разная ценность. Таким образом, автор книги собрал воедино «...записи на обрывках бумаг, листовок. Рукописные, пожелтевшие. ... А они как осколки, как кусочки жизни» (стр. 105) и издал автобиографичный сборник.

Т. Тадыева

ГРАМОТЫ

Дед Тихон жил на окраине села. По устоявшейся привычке он вставал рано, выходил из избы, прогуливался по ограде, закуривал, подходил к лавочке, прислонял к ней свою тросточку, садился и по-хозяйски осматривал свой дом, огород. О чем-то думал.

Где-то закричал петух, через пару домов загудела машина. Дед Тихон по шуму мотора узнал, что это машина таксиста Митьки. Он каждый день возил людей в город. И деду приходилось пару раз с ним ездить в город по делам.

«Сейчас Татьяна пойдет корову доить», – подумал дед Тихон. И тут же стал ругать себя. Как он мог забыть, что корову-то они продали. Уже два месяца как. А коров они держали всегда. Как поженились с Татьяной, родители Татьяны подарили им теленка, телку. Сначала они в старенькой избушке жили. Тихон работал в колхозе трактористом. Вывез лес для строительства дома, года три его строили. Помогали родители Татьяны, у Тихона родителей не было, он был детдомовский. В воскресные дни друзья приходили, работы выполнить, когда народу много надо. Бревна поднять, или дом оштукатурить. В такие дни все шутили, работа спорилась, а вечером, как водится, вкусный ужин. Выпивали, смеялись, громко разговаривали, долго не расходились. И первым животным, поя-

вившимся у них во дворе нового дом, была подаренная корова. К тому времени она уже доилась, молоко им нужно было, потому, что у них родился сын, ему было уже чуть больше года.

Дед Тихон вспоминал, как по этому двору бегал его сын, Петька, как упал с крыши сеней, чуть не сведя с ума своих молодых родителей. Тихон тогда работал на крыше дома. К сеням была приставлена лестница, по которой он забирался наверх. Тихон забивал гвозди на крыше, а сын по ограде ходил. Тихон за ним присматривал время от времени. А Петька только ходить начал, то с кошкой возился, то с собакой. А потом видимо, ему захотелось отцу помочь, полез по лестнице. Тихон его заметил только тогда, когда Петька уже взобрался на крышу сеней и топал дальше. «Петька!» – громко вскрикнул Тихон. Петька вздрогнул, оступился, упал, покатился по крыше, и полетел вниз.

Это теперь дед Тихон с улыбкой вспоминает тот день. А тогда было не до смеха. Ребенок орал, супруга что-то кричала, молодой папаша не заметил, как очутился, на земле, поднял сына, повезли в больницу. Но ничего серьезного не оказалось, к вечеру Петька так же гонялся за кошкой, как и утром...

Дед смотрел на свой дом. Подсчитал, что ему уже больше сорока лет. Те же сени, окна. Только крышу перекрыл лет десять назад. Вначале дом казался большим. А теперь такие дома строят, что его старенький дом перед ними как курятник. И Петька, единственный сын их, который летал с

крыши, тоже постарел. Года три назад приезжал. С большим животом, волосы уже с сединой. Один приехал. Как окончил школу, уехал в город. Работал на заводе, сходил в армию, в селе не стал оставаться, снова в город уехал. Года через два приезжал, жену показывал. Потом лет через пять – вторую. В последние годы всегда приезжал, когда бычка кололи, под зиму. И пропадал до следующей зимы. Внука они с Татьяной так и не дождались, сперва все ждали, потом перестали. Они даже не знали, кем он работает, где. Никогда не говорил.

Вышла Татьяна. Пошла к грядкам своим. Посмотрела на небо, поливать не стала. Выпустила куриц из курятника, покормила. Из живности у них теперь только куры остались. А молодые были, все держали. И свиней, и коз, и кроликов даже. Коров до трех только взрослых доходило. А Татьяна уже тоже прихрамывает. Всю жизнь почтальоном проработала. Всех знает в округе. Всё знает. Кто к кому приехал, кто куда уехал, кто кого побил по пьяни.

Вот и сейчас, присев рядом с мужем, стала говорить.

– К соседям нашим, Егору с Клавкой сын приехал. Митька, средний, с женой. И трое внуков, два мальчика и девочка. Нарядные такие, веселые.

– Ты вроде и не почтальонишь больше, а новости в округе все знаешь.

– А чего не знать-то. Вон, они через ограду живут. Каждый день с Клавой новостями перекидываемся. Сам, небось, тоже видел, машина вечером к ним подъехала.

Дед Тихон молчал. Супруга его тоже, как и он, попрощалась с работой. После выхода на пенсию она работала, долго работала, но стали побаливать ноги, и она бросила работу, хотя деньги были не лишними: пенсия-то маленькая. Да и на почте хотели, чтобы она работала, людей-то не хватает, мало кто идет на эту работу, зарплата небольшая. А Егор с Клавкой, действительно, были их соседями. Они были примерно одного возраста, знали друг друга с детства. Егор все работал на руководящих должностях, все выступать любил на собраниях. И дом они тоже стоили примерно в то же время. Родители Егора были зажиточными, они помогли быстро построить дом Егору с Клавкой. Так и выросли они по соседству, две молодые пары. Татьяна с Клавой были более близки, чем Тихон с Егором. Женщины есть женщины. Так и прожили они всю жизнь, теперь стали старыми. Большими друзьями Тихон с Егором не были. Егор все по собраниям, а Тихон то трактористом, то шофером, кузнецом даже поработал. А в последние годы ходил за стадом, деревенским. А потом совсем сел: нога...

– Тихон, вот Клавдия говорит, что у них льготы по дровам, по свету. Денег меньше плотят. Только надо, чтобы стаж большой был. И звание дадут – ветеран. У Егора есть это звание, и они совсем мало плотят и за свет, и за дрова. Может, сходишь, может и тебе эти льготы дадут. Будет какая-то прибавка к нашим пенсиям.

– А ты чего не сходишь. Стажу и у тебя и у меня хватает, всю жизнь отдали этой работе.

– Так у тебя грамот полчемоdana, а у меня кого, штуки три, может есть. Там, говорят, эти льготы дают, у кого наград больше.

– А чего тебе на халяву-то потянуло, денег мало?

– А что, много? Только дров на зиму купить, три месяца пенсии, мою и твою, откладывать надо. Сейчас такие цены, что в магазин пойдешь, полпенсии оставишь. Коровы, вот, лишились, теперь совсем худо будет. Мясо покупай, молоко покупай. А лекарства сейчас, какие дорогие. Как жить-то, Тихон?

Тихон ничего не отвечал. Со своей ногой в последние годы он совсем не мог заготовить сена. Левая нога совсем отказывалась ходить. А в последний год они покупали сено. Потом решили, что совсем невыгодно. Продали корову. Супруга два дня ходила в слезах.

– Клавдия говорит, что Егор сделал себе льготы. И ты себе сделай, сходи в собес. Если Егору дали, тебе и подавно дадут. Всю жизнь на тяжелых работах, зимой под трактором, под машиной. Если тебе льготы не дать, кому давать-то. Егор вон, твой одноклассник, а здоровый какой, ничего тяжелее ручки не поднял за свою жизнь. И руки здоровы, и ноги.

Тихон и сам это видел. Егор бы и теперь продолжал работать, здоровья хватало, но его попросили. Молодым, якобы, место уступить надо.

Ничего не сказав, Тихон взял костыль, поднялся и поковылял к дому. Когда через некоторое время супруга зашла в дом, Тихон рылся в комод.

– Чего там копаешься?

– Да рубашку ищу. В собес пойду.

Татьяна засуетилась, помогла найти чистую рубашку, заставила Тихона побриться, напоила чаем. Пока он пил чай, вытащила из-под койки чемодан, стала вытаскивать грамоты Тихона. Положила в пакет.

Проводив до калитки, долго смотрела ему вслед. По дороге, в сторону центра, шел, сгорбившись, прихрамывая, старик. В одной руке был пакет, в другой была трость.

Собес находился в большом здании, где были и другие организации. Дед Тихон знал, где находится собес. В коридоре стояли скамейки, на них сидели три бабки. Очередь. Прождав около часа, сидя на скамейке, Тихон узнал большинство сельских новостей: у бабок ни на минуту не закрывались рты, – кто на выборы идет, что там, за границей творится, и какая погода будет этим летом.

Наконец он зашел в кабинет. Было два стола, за одним столом сидела девушка, за другим никого не было.

– Присаживайтесь, у вас какой вопрос?

– Да я хотел узнать, как получить льготы, дрова чтобы купить, подешевле, ветерана...

– Получить «Ветерана труда»?

– Да, да, девушка, да. Ветеран я, пенсионер.

Девушка взяла пенсионное удостоверение, и, посматривая в документ, стала работать на компьютере.

– Так, со стажем у вас все в порядке, стажа хватает.

– Да у меня его, этого стажа, на двоих хватит.

– Да. Теперь с наградами. Какие у вас есть награды?

– Да вот, целый пакет.

Дед положил на стол пакет, стал вытаскивать содержимое, руки дрожали. Несколько грамот упали на пол. Он стал их подбирать. Девушка пролистала грамоты.

– А федеральные награды у вас есть?

– Что, девушка?

– Ну, ордена, медали российского значения. Может, грамоты Министерств.

– Орден не. Не воевал. А причем здесь орден?

– Ну, понимаете, чтобы получить «Ветерана труда» нужно иметь стаж и награду. Медаль или орден. Только тогда мы можем оформить. Стаж у вас есть, а наград нет.

– Как нет, девушка. Вон грамот, целый пакет принес. Это не награда разве? Всю жизнь протрудился, везде хвалили, грамоты вручали. Я их хранил.

– Я вас понимаю. Но такой закон, не я это придумала.

– Получается, я не ветеран?

– Извините, получается, так.

– Это что же, доченька, получается, я всю жизнь не работал, поскольку ветераном меня не признают. А кто я тогда, где я жил, что делал? Тунеядцем был?

– Дедушка, заберите свои грамоты. Идите домой. Не мешайте мне работать.

– Значит, грамоты эти...

Дед Тихон пошел к выходу. У порога его догнала девушка, всучила деду в руки его пакет с грамотами.

У деда Тихона вдруг отказала и вторая нога. Он чуть не упал, присел на скамейку. Ожидающих в коридоре уже не было, он был один. Сердце его колотилось, и вдруг из глаз неожиданного полились слезы. Такое с ним не случалось. Никогда, как бы тяжело в жизни не было. Дед вытирал их рукавами рубашки, а они все лились и лились...

Домой он шел долго. Несколько раз останавливался, сидел где-нибудь, отдыхал. Думал. «Как же так, – возмущался он, – ветеран – это тот, кто ... Поймай, получается, не все, кто работал всю жизнь, ветераны? Ветераны, это только те, кто с орденами? А почему тогда нас с супругой иногда приглашают на всякие праздники, говорят речи нам, обращаясь: «уважаемые ветераны труда»? Собирали бы только орденосцев. Или вот на войне, может, кто-то и не получил медаль или орден, пришел с войны, там также шел под пули, и он не ветеран войны? Только потому, что ордена нет? Глупость какая то!»

Приковылял домой, молча стал переодеваться. Татьяна ничего не спросила. Налила суп, пододвинула хлеб. Они обедали. Дед Тихон поел, поблагодарил, взял пакет и вышел.

Дед Тихон сидел в бане, около печки. Дверь печки была приоткрыта, в печке горел огонь. Рядом лежал пакет, с которым он утром ходил в собес. Он вытаскивал оттуда грамоты, по одной бросал в печку. Пламя огня накидывалось на новую жертву, грамота занималась огнем, бумага сгорала, сворачивалась в трубочку, рассыпалась. Огонь утихал, но при появлении новой грамоты разгорался с новой силой. Скрипнула дверь, зашла Татьяна.

– Клавка спрашивает, что, баню что ли, топите, вроде бы вы по субботам моетесь, а сегодня вторник только. Гляжу, говорит, черный дым из бани. Я ничего не сказала.

Дед ничего не ответил. Они так и сидели. Грамоты горели. Их было много.

– Утром, когда ты уходил, Клава спрашивает, куда старичок твой направился. Я говорю, в собес, «ветерана труда» получать. Он спросила, есть ли медаль, или орден. Я ответила, что нет. Тогда, говорит, не дадут «ветерана». Не положено. А где мы его возьмем, орден этот?

Дед Тихон не отвечал. Они сидели. А грамоты горели. Их было много. Жизнь-то длинная...

УЛАГАН

Откуда пошло это название, версий много. Смысла нет их вспоминать. Это село, которое навсегда останется для меня родным. Лет пять мне было, когда мы переехали сюда. Здесь я пошел в школу, научился читать и писать. Жили мы сперва на Круговой улице, потом на Заречной, потом в центре, на Социалистической. На Круговой из ребяташек, с которыми я проводил время, играл, были братья Ебечековы, Славка Курманов, Валерка Вахрушев, на Заречной Сашка Суртаев, Колька Нестеров, в центре Вовка Чунуков, Сашка Челчугашев...

Село в то время для меня казалось большим. Все чем-то были заняты. На Заречной был масло-сырзавод, оставшиеся постройки еще долго стояли, пустовали, когда завод перестал работать. В Мандилу, за рекой Башкаус, тогда вообще не было домов, их не было даже в Артхозе. Артхоз, наверно, мало кто знает, это сокращенно - артельное хозяйство. Там, где сейчас стоят дома, вдоль Башкауса, было поле. Там выращивали овощи. А за Мандилу, есть место Ширпотреб, делали сани, дуги. Из березы. Они росли только там. Под яром, в сторону лесхоза (тогда его не было), была баня. Мы там мылись с матерью несколько раз. А с другой стороны, под яром, где милиция и «Темп», был «Копай-Город». Люди, как зверюшки, копали глубокие норы, и там жили. Я их, эти жилища, застал. С мате-

рю ходили в гости к ее подружке, она там жила. Внутри чем-то обивали, старыми тряпками, пол застилали тоже, чем придется. Летом кушать варили на улице, на костре, зимой внутри, только войлок или матрац на двери чуть приоткрывали, чтобы дым выходил. Но когда я пошел в школу, таких землянок уже не было. В здании, где милиция, школа была начальная. Мы учились там. Хулиганили, конечно. То с сопки, на болоте, черепа человеческие притащим в школу, учителей пугаем, то по чердаку школы бегаем. Поймали нас, повели к директору. А директором был Попошев Владимир Петрович. Говорит, сейчас буду звонить вашим родителям. Вытащил черный телефон из сейфа, начал ручку крутить. Мы говорим, не звоните, мол, не будем больше. А телефонной связи по селу и в помине не было, разумеется, и в домах телефонов нет! Но до нас это позже дошло. А учительницей нашей первой была Воронцова Тамара Ивановна, русская девушка, сразу после училища.

Много тогда было приезжих, в основном русских. Постараюсь вспомнить некоторых. Подзоровы, Нестеровы, Дураковы, Медведевы, Ленкины, Казанакovy, Черепановы, Вахрушевы, Колпаковы... Я думаю, вспомнил какую-то небольшую часть. Жили дружно, одной большой семьей. С очень многими пацанами я дружил. Кто-то из этих приезжих потом осел, семьи пошли, дети. Но в основном они разъехались. Основные работы на них и держались. То ли потом работы не стало, то ли что. А ведь, кроме того, что я сказал, был и кирпичный

завод, лесопильные организации, охотничьи хозяйства.

Но основными хозяйствами были совхозы. Я с малых лет участвовал на заготовке сена совхозу, поэтому деятельность совхоза мне была знакома. Контора совхоза располагалась в двухэтажном здании, где сейчас находится районо. Каждый год, в начале июля, в Улагане проходил районный праздник, день Пастуха. Я его очень ждал. В Улаган съезжались со всего района, на стадионе велась торговля, играла музыка, шли спортивные мероприятия, выступали артисты. А в сторону Балыктуюля, по дороге, устраивались скачки на лошадях. Люди в этот день были радостными, смеялись, шутили, попивали пиво, которое привозили из города. Вспоминаю, как одного зоотехника отчитывал какой-то видимо, его начальник.

– А ты почему здесь? Скоро же скачки!

– Лошадей комплектую.

– И каким же образом ты около пивного ларька их комплектуешь?

А когда начались скачки, все искали этого зоотехника. Видимо, скомплектовал что-то другое.

Меня больше всего интересовали соревнования по футболу. В то время у нас были сильные футболисты. Роберт Бекенев, Вениамин Асканаков, Владимир Кеденов. Они успешно выступали на областных соревнованиях. А здесь, на празднике, они играли за свои совхозы. А поле на нашем стадионе я считаю одним из лучших. Поиграл в футбол на многих футбольных полях других районов, но та-

кого поля, с таким качественным естественным покрытием, не видел нигде. Есть уклон, но он при игре практически не заметен. Когда мы переехали в центр, жили в доме, где сейчас находится казначейство. Так вот тогда я все время пропадаю на стадионе. На летних каникулах, когда я приезжал из города, до дня Пастуха, был один месяц отдыха, а потом нужно было ехать на сенокос. С ребяташками на стадионе мы играли в футбол, вскапывали прыжковую яму, прыгали, устраивали бег наперегонки.

А в дождливые дни я любил пропадать в библиотеке. Придя за очередными книгами, я надолго там задерживался. Листал подшивки журналов: «Наука и жизнь», «Крокодил». Там мог и деньги заработать. Иногда меня просили написать какой-нибудь агитационный материал. А у меня были перья плакатные, привозил из города. Они нужны были, когда мы в школе стенгазеты выпускали. Библиотека была через дорогу от моего дома, сейчас там одно из зданий суда. Улица эта тогда мне казалась очень широкой. Это сейчас машинам негде стать, а тогда выйдешь на улицу, по всей улице можно было не увидеть никого, особенно во время сенокоса.

После праздника я на своей лошади уезжал готовить сено совхозу. До конца августа. За эти месяцы мне начисляли рублей шестьдесят, семьдесят. Рублей двадцать оставлял дома, матери, с остальными ехал в город, еще на один учебный год. До Акташа доехать надо в будке почты. В будке нас тошнило, мы блевали. Окон-то не было, только не-

большое окошко, высоко, над кабиной. На перевале шофер матерился, собирал с нас по рублю, и мы ехали дальше. В Акташе ночевал у знакомых матери, у Эткоковых. Утром нужно попасть на автобус, билет стоил пять рублей двадцать семь копеек. Пообедать в Туекте, еще копеек шестьдесят. В городе за двадцать восемь рублей покупал костюм, трико по рубль шестьдесят, футболку по рубль двадцать, еще кое-что, по мелочи – тетради, прочие принадлежности. Вот и все деньги, вся арифметика.

Но я уже про город. Вернусь в Улаган. Но я это к тому, что в те годы дети сами думали о своих завтрашних днях. Чтобы приехать в город, и что-то купить, нужно эти деньги приобрести. Или их родители дадут, или их нужно заработать. Я вообще не знал, что такое детские лагеря, я там ни разу не был. Представление имел, конечно, книги-то читаешь. А мой лагерь – это сенокосная компания с начала июля до конца августа. Я во втором классе научился косить сено, а седьмом наравне со взрослыми косил. Скашивал за день норму взрослого человека. Конечно, это тяжелый труд. Но все равно с теплотой вспоминаю это время. Во-первых, детей в бригадах тогда было очень много, мы находили время даже поиграть, потом, так было интересно слушать вечером, около костра, рассказы взрослых, про жизнь в старину, про войну (были в бригаде и фронтовики), про различные охотничьи истории и о многом другом.

Мы жили на Заречной улице, когда я пошел в школу. Очень хорошо помню это день. Я проснулся

очень рано. Я поскорее выпил чай и начал собираться. Мама говорит, что еще рано. Но мне надо было к Толику Колондину зайти, мы договорились. Когда я пришел к нему домой, он еще спал...

При въезде в Улаган, в конце Заречной улицы была площадка, на которой собирались ребяташки всей округи. К сожалению, там сейчас стоит дом. Играли в мяч, в догонялки. Мы ждали Валерку Подзорова, у которого был мяч. Больше ни у кого не было. Когда он его приносил, мы играли в футбол. Девчонки, мальчишки, все вместе. Соревновались, кто больше отчеканит мячом, в ножички еще играли. По соседству жили братья Тыдыковы, Сашка с Сережкой, братья Челчушевы, Сашка с Вовкой, братья Кончевы, Абрам, Андрей. Чуть подалее Валерка Подзоров, Колька Нестеров...

Как-то играем в футбол. Мимо нас по дороге ехал трактор. Ну, ехал и ехал. Тут видим, он стал на обочину съезжать. И прямо на нас. Все врассыпную. А рядом с площадкой велик лежал, Сережки Тыдыкова. Трактор не сворачивая, наезжает на велик. Треск ломающихся деталей велосипеда, крики ужасов, шум трактора, все слились в один шум. А трактор гусеничный, что может остаться после него от маленького велика. Сережка в истерике, бежит к маме. Догоняют трактор. Оказалось, тракторист был пьяный. Чем закончилось, уже не припомню. А велосипед в то время был вещью редкой, не в каждой семье он был. У нас, например, его не было. Мы с братом Сашей как-то решили велосипед собрать. И мы собирали его года два. Запчасти

тогда не продавались, так мы выпрашивали, у кого из старого, что есть. Что-то подходило, что-то нет. Раму, самое основное, помню, нам дал Сашка Енчинов. Остальное по мелочам добывали у друзей. И мы его все-таки собрали. Но мы на нем толком-то и не катались. Постоянно ломался, детали-то были старые, практически выброшенные.

Самым закадычным другом моим был Вовка Челчушев. Мы с ним ловили воробьев. Ложили тазик вверх дном, один край приподнимали, подставляли небольшую палочку, к нему привязывали веревочку. Под тазиком насыпали крупу ячменную. И спрятавшись за укрытие, ждали. Как только несколько воробьев окажутся под тазиком, увидев корм, мы дергали за веревку, тазик опускался, и воробьи пойманы. Но поймать воробья из-под тазика тоже было нелегко. Надо чуть-чуть приподнять край тазика, но в этот момент, через образовавшуюся щель, воробьи могут улететь, что в большинстве случаев и случалось. Но которых мы ловили, осматривали, в ладонях чувствовалось, как бьются их сердца. Потом мы их отпускали. Ловили новых.

Так получалось, что в детские годы постоянно жить в Улагане не получалось. После начальной школы учился в городе, приезжал только на каникулы. Потом армия, после жил в других краях. Но потом, когда вернулся, можно сказать, осел надолго. Семья, дети, работа. Проблемы, заботы. Все, как у многих. И вроде бы воспоминаний должно быть

больше и ярче из этого, трудового периода жизни. А нет.

Окажешься где-нибудь вдалеке, и промелькнет как-то упоминание об Улагане. Тормознешь на минуту, помотришь назад, в свою память, и увидишь несколько картин.

Вот «барак», мы в нем в своей квартире, на Круговой улице, мама варит суп с мясом, рядом бабушка, она принесла мясо, она живет на стоянке, работает. И мы ждем сытный ужин.

А вот я уже на Заречной, катаю сестренку, Эльвиру. Она в коляске, ей месяцев пять, мне семь лет. Я разгоняю коляску, под колесо попадает камушек, коляска переворачивается, из нее выбрасывает ребенка, и Эльвира кубарем летит по пыльной дороге...

И еще. Лето, жарко. Я босиком иду в библиотеку. Она через дорогу. На ней никого. Только встретится отец Сережки Язарова, Афанасий Романович, по пояс раздетый, загоревший. Тоже босиком, с носовым платочком на голове, с узелками по краям, вместо кепки. Да пролетит Белеев Геннадий Дмитриевич по улице галопом на своей лошади. Называл он которую, почему-то ласково: «Алешка»...

ПТИЧКА – СИНИЧКА

Галину распределили в отдаленное село. Что ж, это ей было даже интересно. Окончив педагогический институт, факультет иностранных языков, с красным дипломом, она могла бы претендовать и на более выгодные места. Но она сама выросла в селе, и понимала, как не хватает таких педагогов.

Ей выделили небольшую квартирку, рядом со школой, и она начала работать. Кроме нее, учителей по иностранному языку не было, и поэтому давали ей часов и английского, и немецкого. А это и были ее предметы, именно эти два языка и были базовыми у нее. Педагогические способности у нее были, умела увлечь детей, заинтересовать предметом. Она не только учила читать и писать на других языках, но и могла интересно рассказать про историю, культуру этих стран, про знаменитых людей оттуда. Работа спорилась, со временем она стала и классным руководителем. Через два года она была уже уважаемым педагогом.

На лето она уезжала на родину, гостила у родственников.

Третий учебный год начался, как обычно. Первое сентября, шумный и торжественный день, далее трудовые будни. Вокруг школы был деревянный забор, старенький такой, требующий ремонта. И школе выделили деньги на новый забор. Металлический. И несколько человек, приезжих рабочих,

занимались этой работой. Копали ямы, бетонировали столбы, начали вести сварочные работы. А Галина за день несколько раз бегала домой. То «окно» в расписании, то есть перерывы между твоими парами, в урок или два урока, домой идет, то на обед сбегает. Благо, дом-то рядом. И тут она замечает, как один рабочий все время встречает и провожает её своим взглядом. Ведь взгляд другого человека чувствуется, хоть и не смотришь в его сторону. Это был худой, высокий человек, с длинными черными волосами. То ли случайно, то ли нет, как-то утром он оказался около калитки. Рулеткой отмерял металлические прутки. Когда Галина подошла к калитке, он выпрямился, и громко сказал: «Здравствуйте!» Галина вздрогнула, она вся была уже в мыслях на предстоящем уроке. Перед ней стоял тот парень, который с длинными волосами. Галина приостановилась, ответила: «Здравствуйте», и пошла дальше. Но подходя к двери школы, она почувствовала какую-то дрожь во всем теле. Она не могла понять, что происходит. Она сама чувствовала, что урок она ведет не так, как обычно. Была рассеяна, мысли убегали куда-то, не могла сосредоточиться. На перемене постаралась успокоиться. Что ей не дает покоя? И вдруг, словно ее осенило: глаза! Да, эти глаза, они были большие и черные, как и волосы. Она постаралась вспомнить, какой у него нос, рот... И не могла. Она видела только его глаза. Огромные, без дна. И ей так захотелось на них снова взглянуть. После второго ее урока была большая перемена, ей не нужно

было идти домой. Но она пошла. Выйдя из школы, она бросила взгляд на строящуюся ограду. Но рабочих не было, может, ушли на обед. Когда возвращалась обратно, их так и не было. Их не было, и когда после уроков она шла домой. Галина не могла успокоиться. Начала писать план на урок, потом перекинулась на приготовление пищи. Не смогла сосредоточиться ни на чем.

Утром она его тоже не увидела. Забор уже был закончен, осталось только покрасить. Этим занимались школьные технички. Через пару дней вокруг школы красовалась крепкая металлическая зеленая ограда. Прошло еще несколько дней. Галина все никак не могла забыть этого рабочего с черными глазами.

Однажды вечером, когда уже темнело, Галина сидела с книжкой. В дверь постучали. Она не удивилась. Это могли быть такие же молодые педагоги, с некоторыми она уже подружилась, могли быть и ребяташки с ее класса, где она была классным руководителем. Но на пороге стоял он.

– Извините, пожалуйста, уже темно.

Было видно, что парень волновался. Да и Галина оказалась в каком-то замешательстве. Сердце у нее сильно заколотилось, но она постаралась не подавать виду.

– Да, поздно. А что вы хотели?

– Да я, вот...– замялся парень, показал на пакет, – в гости... к вам.

– Заходите, раз в гости. Хотя я вас не знаю.

– Да я работал, в школе, ограду мы делали.

– Я помню. Проходите, чай поставлю.

Они были смущены оба, и парень, и Галина.

Пили чай молча, иногда поглядывая друг на друга. Парень вдруг соскочил. Вспомнил про пакет, который он поставил у порога, стал извиняться, на столе появились яблоки, конфеты.

– Я сейчас уже в другой деревне работаю, отопление в клубе варим. Парень, приятель, поехал сюда по работе узнать, здесь, недалеко, я с ним приехал. К вам в гости зайти захотел. Вы не обиделись?

– А чего же обижаться. Больше бы таких гостей. С яблоками.

– А можно к вам еще приеду?

– А вы и сейчас без разрешения приехали.

Оба рассмеялись.

Парень уехал. Сказал, что, наверное, его ждут. Из первой встречи выяснилось, что парня зовут Марат, он с Кавказа, работает здесь, в районе, уже пятый год. Сварщиком. Варит отопление в домах, занимается всеми сварочными работами. Как огорждение школы, например. На зиму уезжает домой, летом приезжает. Здесь работает со своими родственниками.

Приехал он через неделю. Потом еще. И еще. Однажды на старенькой машине, рабочей. И они поехали в лес. Шли по тропинке, взявшись за руки, а впереди какая то птичка. Подождет их на тропинке, взлетит, пролетит вперед, снова сядет. И чирикает.

– Что-то говорит на своем. То ли «птичка, птичка», – пытается угадать Марат.

– Птичка-птичка, птичка-синичка.

– Точно, Галя, птичка-синичка. Давай, я тебя буду называть «Птичка-Синичка»?

– Называй. А я тебя как? Вороном? Ты черный, как ворон. Нет, не хочу. Буду называть тебя Голубем. Голубком. И будем мы с тобой, Птичка-Синичка и Голубок. Всегда вместе. Хочешь?

– Хочу!

Они долго стояли, обнявшись, потом валялись на траве, поглядывая на голубое небо, сверху деревья шептали им что-то, шелестя листьями, да и та самая птичка, летала вокруг них, напевая им свою единственную песню: птичка-синичка, птичка-синичка.

Они встречались до первых морозов. Потом Марату нужно было ехать домой. Перед поездкой у них состоялся тяжелый разговор. Вернее, в основном, говорил Марат.

– Я не говорил тебе. Там, на родине у меня есть невеста. Я еще года два должен здесь поработать, и жениться на ней. Но я встретил тебя. И совсем не вспоминаю ту, дома. Я приеду домой, все скажу. И вернусь к тебе. Я обещаю.

Галина молчала. Крупными каплями скатились первые слезинки по щеке, следом, уже не переставая, потекли слезы.

Он крепко прижал ее к груди: «Не плачь, я вернусь к тебе».

– Нет, ты не вернешься. Ко мне не вернешься. У вас законы строгие. Тебе не дадут на мне жениться.

– Да, это так. Строгие. Но и мужчины у нас словами не разбрасываются. Я сказал, что вернусь к тебе, значит, вернусь. Что бы ни случилось.

Зима Галине казалась длинной и холодной. Вечерами она подтапливала печку, усаживалась на кровать, вспоминала. Первую встречу с Маратом, конфеты, яблоки на этом столе, школьный забор. И эти глаза. Увидит ли она их вновь? Это была первая зима, когда она два раза заболела и по неделе провалялась дома. Простывала.

Когда весной стали приезжать первые строители, она все искала взглядом знакомую фигуру. Вечерами прислушивалась, не постучат ли в дверь. На стук она подбегала и рывком открывала дверь. Но это были или педагоги, или соседи.

Летом она уехала на родину. Помогала родственникам готовить сено. В один из вечеров, после работы, они мылись в бане. Она уже домывалась, когда открылась дверь, заглянула сестренка, дочь брата: «Тетя Галя, там к вам пришли».

Галина домылась, обмотала голову полотенцем, вышла. Зашла в дом.

– А кто меня ждет-то?

– Да вон на улице, за калиткой, не хочет заходить.

Галина удивилась, пошла к калитке. Она ожидала увидеть кого угодно, но не его. Но это был он, Марат, ее Голубок. Вдруг ноги ее ослабели, она чуть не упала, ухватилась за оградку. Марат подхватил ее, обнял.

– Я нашел тебя кое-как. В деревне тебя нет, нашел людей, которые знают, куда ты уехала, а потом...

Он говорил и говорил, а она не понимала, что он говорит. Голова кружилась, радость, накрывшая ее, вытесняла те горькие, мрачные мысли, которые накопились у нее в душе за эти месяцы. Она ничего не говорила, только слезы, слезы во все лицо, как в тот раз...

Она познакомилась Марата с братом, его супругой. Родителей у Галины не было, умерли давно, друг за другом.

Они все пили чай на веранде, потом Марат с Галиной остались вдвоем. Просидели до самого утра, все не могли наговориться. Приехал он поздно потому, что он теперь один будет работать. Действительно, когда дома узнали, что Марат не будет жениться на своей невесте, произошел большой скандал. Собралась вся родня, шум-гам, вплоть до угроз. В общем, как сказал Марат, он туда больше не вернется. Или его прогнали из семьи, или он сам ушел, можно понимать и так, и так, но теперь он будет с ней вместе. Всегда.

С прибавлением одной рабочей силы на сенокосе у брата дела спорились. Уже через несколько дней, закончив работу, молодые ехали в свою родную теперь на долгие годы деревню. Когда заканчивался учебный год, директор обрадовал Галину, что ей выделяют новую квартиру. Они с директором съездили, он показал этот дом. Это был особ-

няк, красивый. Оставалось закончить отделку внутри, отопление, и можно переезжать.

И первым делом Галина повела Марата к ее дому, теперь уже «нашему», как сказала она.

Марат, как строитель, быстро стал вникать, что еще осталось сделать. Оказалось, что строители ищут сварщика, отопление варить. И очень обрадовались, когда узнали, что Марат работает сварщиком. Не успев приехать, Марат нашел и работу. Ведь родственники прогнали его из бригады, теперь ему нужно было самому думать, как на хлеб заработать. А тут и думать не пришлось, до самой зимы ему пришлось проводить отопление в этих новых домах, а это целая улица. Да и на своем доме он работы ускорил, по мелочам сам работал.

К началу учебного года они уже жили в своем доме. Это было далеко от школы, но зато дом свой, новый.

Галина работала, Марат работал. Пролетали месяцы, годы. Это были самые счастливые месяцы для Галины. Друг за дружкой, с интервалом в полтора года, родились два сына. Васька с Петькой. Дети росли, пошли в садик, в школу. Как и у других.

Когда Петька, младший, пошел в первый класс, Марат заболел. Что-то с печенью. Она, болезнь, и раньше давала о себе знать. Но не так, как в этот год. Стало хуже намного, бесконечные исследования, лечения... Потом совсем слег. Галина на время оставила школу, все время находилась рядом с ним. Ему становилось все хуже и хуже. Когда умер,

позвонили к нему, на родину. Никто не приехал. Схоронили с первыми холодами...

Галина совсем изменилась. Резко состарилась. Старалась отвлечься, заниматься детьми, полностью отдать себя работе. Но ничего не помогало. Ребятишки стали замечать, что мама часто сидит одна, за бутылкой. От детей она отмахивалась, если выпьет, могла накричать на них, даже замахнуться чем-нибудь. Пагубная привычка стала известна школе. Несколько раз был разговор с директором. Но все чаще и чаще она сидела дома вечерами, выпивала, бормотала: «Голубок ты мой, ты почему улетел от меня? Ведь ты обещал, что мы будем всегда вместе, ты меня бросил!» Сильно опьянев, разбивала бутылку о стол, и убегала на улицу. Мальчики тихо плакали, не дождавшись маму, засыпали. Утром они видели маму всю испачканную в грязи, она немного приводила себя в порядок и уходила на работу. Вечером все повторялось снова.

Как-то мальчишки проснулись ночью. Перед ней стояла мама, волосы растрепанные, глаза дикие, вся в грязи.

– Вы здесь дрыхнете, а ему там холодно! Давайте одеяло!

Она скинула с них одеяло, стала сворачивать.

– Вам хорошо, жрете, спите, а мой Голубок мерзнет!

Мальчики прижались друг к другу на кровати и заревели.

Но мама их не слушала. Громко хлопнув дверью, она вышла. Васька быстро оделся, и, сказав Петьке, чтобы никуда не уходил, побежал за матерью. Он знал, куда пойдет мама. Он догадывался, где пропадает мама ночами. За переулком он увидел мамин силуэт. Не отставая, но и не приближаясь, он шел следом. А мама и не оглядывалась. Шла быстро, почти бежала. Васька еле успевал. За деревней, одна дорога вела к другой деревне, а другая, направо – на кладбище. Галина свернула направо. Прячась от страха за оградками с крестами, Васька следовал за мамой. Вот она остановилась около могилки отца. Лежал снег, но бугорок на могиле отца был без снега, снег был убран. Васька совсем близко подошел к могиле. Мама развернула одеяло, стала укрывать бугорок. Что-то приговаривала. Потом сама легла на одеяло, раскинула руки, обнимая, и громко заревела. Васька подошел к маме, тронул за плечо: «Мама, пошли домой».

Галина резко соскочила, и, кидая лежащие камни и мерзлую землю, закричала: «Пошли все отсюда! Уходите!»

Заревев от звериного вида мамы, которую никогда не видел в таком состоянии, Васька бросился бежать. В деревне он стал стучаться к соседке, учительнице, Нине Николаевне, подруге матери. Все рассказал. Она позвонила в милицию, в больницу.

Галина пролежала в больнице неделю. К ребятишкам приехал брат с супругой. Через неделю брат повез Галину в город, в больницу.

Через месяц ребятишек повезли в город, повидаться с матерью. Ей становилось хуже. Она уже не узнавала людей. Не узнала и своих детей. Равнодушно на них посмотрела и продолжала говорить одни и те же слова, которые она говорила в последнее время: «Он ждет меня, мой Голубок. Каждый день зовет. Прилетай, говорит, моя Птичка-Синичка, прилетай. А я полечу скоро, он ждет меня, мой Голубок, я полечу скоро, к нему...»

Еще через месяц ее не стало.

На похоронах были коллеги из школы, родственники, друзья. Говорили, вспоминали, какой они были парой. Галина Николаевна сказала: «На моих глазах их совместная жизнь и прошла. Быстрая, но яркая. Они так нужны были друг другу. Никогда не видела, чтобы они ссорились. А Марат каким заботливым мужем был. Никогда ее не обижал. Я знаю, Галина называла Марата Голубком, а Марат Галину Синичкой. Когда Голубок улетел, и Синичка захотела к нему, не смогла без него. И полетела к нему. Я думаю, они встретились. Там, на небесах...»

БЕЛТИР

Это название села, вблизи которого находился эпицентр землетрясения, произошедшего на Алтае в 2003 году. Я был через пару месяцев в этих местах, в эпицентре. Честно говоря, хотелось поскорее уехать оттуда. В памяти остались глубокие трещины, которые уходили глубоко в землю, неизвестно на какое расстояние, потому что, как и в большом озере, находясь в лодке, не видишь дна, хотя вода и светлая, так и здесь. Нет конца трещине, только темная пугающая пустота. Мелькнула озорная мальчишеская мысль: перепрыгнуть через трещину. Но только мысль, тело не подчинилось, хотя ширина трещины была чуть больше метра. И ехидная мысль следом: «И хвастайся, что прыгал когда-то дальше пяти метров».

А каково было людям в этих местах в те страшные дни. Когда от толчков земли падали люди и животные, когда под ногами разламывалась земля, и дома подпрыгивали, как игрушечные. Рассказывала чабанка: «Когда все началось, я побежала в село. На стоянке я была одна. Я забыла обо всем. Потом вижу, все животные, что были около дома, бегут рядом со мной. Телята, собаки. Тут я и спохватилась, думаю, только о себе и думаю, и начала вспоминать на бегу, и оглядываться, все ли собаки бегут. Вроде все, только еще какая-то собака бежит, незнакомая. Да это же волк! В другой раз я бы в обморок упала. Видела волков, но издали. Видела

растерзанных ими овечек, коров. Но так близко волка я видела впервые. И замечаю, что я не боюсь его. И он бежал не как хищник, за добычей, а просто как животное, спасавшееся от чего-то страшного. Так мы и бежали вместе, а когда мы приблизились к селу, он, видать, опомнился, свернул в лес. Потом я вспоминала, что его не боялись и мои собаки, и телята, когда бежали рядом. Это какой силы может быть страх перед природой, в данном случае во время землетрясения, что то, чего мы боимся в повседневной жизни, превращается в пустяк перед этим страхом».

Что интересно, во время этого землетрясения не пострадал ни один человек, ни одно животное, не было разрушено ни одно здание, до основания, имеется в виду. Каменные дома потрескались, разрушились печи в домах, деревянные дома попрыгали и остались на месте.

Село Белтир, как наиболее пострадавшее, решили заново построить в новом месте, ближе к районному центру, в степи. Конечно, были и противники переноса села, но аргумент против них был железный: а вдруг опять?

В течение года были построены дома, строилась школа, детсад. Население села потихоньку перебиралось в новое место. Село назвали Новый Бельтир.

По наиболее пострадавшим от землетрясения селам Раиса решила проехать и показать благотворительные концерты. После концерта в с. Чибит

мы поехали в Кош-Агач. В районной администрации нам очень обрадовались.

– Концерт в Белтире? Здорово. Как раз приезжает бригада артистов из города, с концертом. К ним и присоединитесь. Посмотрите новое село, называли Новый Бельтир. Оно находится недалеко отсюда.

– А в разрушенном селе сейчас кто-нибудь живет?

– Да есть немного, старики. Да и они скоро переедут.

– А их там много?

– Да не знаем мы. Мы новым селом заняты.

На улице мы стояли в раздумье: что делать, куда ехать. Потом Раиса решительно сказала: «Едем в Белтир».

– В старый?

– В Белтир. Он один.

Дорога до села была проселочная. По дороге сильных последствий от землетрясения мы не увидели, дорога была уже отремонтирована, горы, леса, как обычно. Но при въезде в село нас ожидала следующая картина. Постройки (дома, сараи) сильно разрушены. Валялись доски, шифер, кирпичи. Сначала нам село показалось безлюдным, но потом мы увидели людей. Кто-то разбирает дом, кто-то складывал материалы от разобранного гаража, кто-то месил глину: ремонтировал печь. Это потом нам объяснили, что это теперь, через год, село стало как после разрухи. А сразу после землетрясения ничего такого страшного не было.

Страшно было во время землетрясения, когда земля шла волнами, словно трясешь ковер, тебя бросает из стороны в сторону, и так несколько дней, недель, месяцев. Дома начали разбирать сами жители, когда сказали, что здесь села не будет. Кто-то продавал, кто-то разбирал, увозил куда-нибудь на хранение, до лучших времен. А кто-то увозил материал в новое село.

Мы подъехали к школе. Школа было бетонная. Она имела удручающий вид. Широкие длинные трещины по всей стене, покосившиеся рамы окон с разбитыми стеклами, сломанная дверь.

Подошла женщина средних лет. Мы с ней переговорили по концерту. Она удивленно на нас смотрела – какой концерт в это время? – но потом сказала, что ни разу не видела Раису Модорову и согласилась пройти по селу и позвать людей.

Мы спросили у нее:

– А людей много осталось?

– Ну не знаю, человек сорок-пятьдесят, может быть. Многие же уехали, здесь теперь нет ни школы, ничего. Сказали, считайте, здесь нет села. Соответственно, ничего и не будет. Ни магазина, ни почты. Никакого снабжения. Так и живем, сами в райцентр ездим, продукты купить, или в больницу. Хорошо, я пройду, скажу, придут, нет, не знаю. Через два часа концерт, говорите, понятно, я пошла.

Мы решили пройти по селу. В нем было тихо, но тишина была какая-то тревожная, неудобная. Большинство домов были в полуразрушенном, или вернее сказать, в полуразобранном состоянии.

Везде лежали кучи пиломатериалов со старыми вещами вперемежку, где-то аккуратно сложенные, а где-то просто разбросанные. По земле небольшой ветерок гонял легкий мелкий мусор: порванные целлофановые мешочки, обрывки бумаг, газет. Только сейчас мы заметили, что земля была вся в трещинах, они, как змеи, извиваясь и пересекаясь, уходили в огороды, заползали под дома. За селом было небольшое озеро, по футбольным воротам, стоявшим наполовину в воде, и трибунам, можно было догадаться, что это стадион.

Возвращаясь в школу, мы увидели старика, сидящего на крыльце небольшого дома. Он курил трубку и смотрел куда-то далеко, на гору, или еще дальше.

Мы поздоровались. Старик нехотя вынул трубку изо рта, посмотрел на нас недружелюбно.

– Сколько раз можно говорить, что я никуда не поеду.

– А куда вас ехать заставляют?

Он с недоумением посмотрел на нас.

– Вы из райцентра?

– Да нет. Мы с концертом приехали. Это певица, Раиса Модорова. Через час концерт будет в школе.

– Так школа же разрушена!

– Да, но не настолько, чтобы концерт не показать. Нашли мы один класс, половина окон целые, стулья старые остались, соберем, думаем, хватит.

– А я думал, что опять пришли меня агитировать, чтобы переехал. Да, мне дали квартиру в новом селе, но я ее детям отдал. А я никуда не поеду.

Вон, мои все, – дед кивнул на гору, – лежат в одном месте. И мне недолго осталось. Из этого моего дома и пусть меня... А про Модорову как не слышать, слышал. Ребятишки все ее песни слушают, да и по телевизору показывают. А вот так, близко, не видел. Ну, здравствуйте.

Дед принялся было вставать, но мы ему не дали.

– Ничего, ничего, не вставайте. На концерт-то придете?

– Нет, дети. Старый я уже.

Возле школы еще никого не было. Мы быстро собрали аппаратуру, настроили звук и прошли по школе. Кроме класса, где мы установили аппаратуру, было еще два кабинета, где разрушения были минимальными. Только местами, где проходили трещины, отвалилась штукатурка, стекла были разбиты. В остальных кабинетах было хуже, не было ни одного целого окна, стены в трещинах, пол был усеян опилками, остатками штукатурки, в одном кабинете были видны конструкции крыши: дыра в потолке в полкабинета. Ветер свободно гулял по школе, гоняя по полу остатки старых книг, тетрадей. Более-менее хорошая мебель, видимо, была увезена, оставались только старые, поломанные столы, парты, стулья. Мы насобирали пригодных стульев, и стали ждать зрителей.

Первой появилась наша посыльная.

– Обошла я всех. Насчитала около двадцати человек. Некоторые придут. А билет-то сколько стоит?

– Да нисколько, концерт благотворительный. Бесплатный. Мы забыли сказать.

– А-а, а я думала, за деньги. Сейчас у людей денег-то нет.

Люди начали собираться. Первыми пришла пара, наверно, муж с женой. Тихо поздоровались и тихо уселись. Им было лет под сорок, правда по морщинам на лице можно было бы дать и больше. Они сидели молча, даже друг с другом не переговаривались. Потом появился мужчина, тоже лет сорока, с мужественным и строгим лицом. Лицо было загорелое, оно не выражало никаких эмоций. Он молча сел на второй ряд. Пришла бабушка с тросточкой, с трубкой в зубах. Тоже села, молча стала прятать трубку в кисет. Обычно, перед концертом, когда собираются зрители, бывает очень оживленно. Обязательно найдется кто-нибудь из мужчин, который начнет острословить в адрес своей соседки, та будет отвечать, под общий смех другие будут выкрикивать свои реплики, смех будет превращаться в хохот. Или найдется умный товарищ, который с важным видом будет рассказывать, что в мире произошло, как будто и он к этим событиям причастен. Но всегда перед концертами тихо никогда не было. А здесь была тишина. Какая-то тяжелая тишина. Люди приходили, усаживались, и погружались в свои мысли.

Когда подошло время начинать концерт, в кабинете было девять человек.

Раиса запела. Обычно первое волнение у Раисы проходит после пары песен. Она всегда волнуется перед выступлениями, но во время выступления она быстро находит контакт со зрителями в зале, и

дальше волнение пропадает. Но тут было не так. Она пела песню за песней, чувствую, как будто она не в своей тарелке. Я смотрю, а у женщин слезы на глазах. И состояние их передалось певице, вижу, она волнуется. Раиса запела песню про детство. Про прекрасные годы, которые никогда не вернуться. Я рассматривал лица зрителей, и старался догадаться, о чем они думают. А что тут гадать. Они думали каждый о своем детстве, о том, что домов, в которых они родились, скоро не станет, улицы, по которым они бегали босоногими, зарастут травой, они уедут далеко от могилки отцов, детей, родственников... Они никогда не смогут приехать в свое родное село, каким оно было, его не будет...

И тут я увидел на лице, на мужественном лице того мужчины слезу. Она увеличилась под глазом, и потекла по щеке. И по другой щеке тоже слеза...

Смотрю на Раису. А она тоже в слезах. Голос прервался, захлебнулся в слезах, она выскочила в коридор. Фонограмма играла, зрители сидели, кто смотрел в пол, кто на динамики, кто в окно.

Когда фонограмма закончилась, появилась Раиса, тихо сказала: «Следующую песню».

Единственный раз в жизни я видел концерт, когда и певец и зрители не стыдясь, плакали. Потому что каждая следующая песня напоминала о каком-то кусочке их жизни. Первая любовь, первая встреча, разлуки, первый ребенок... И все это сопровождается словом «последний». В последний раз они за партой в родной школе, в последний раз они смотрят концерт в родном селе, в последний

раз они собрались вместе, чтобы поплакать... Плакали все, и певица, и зрители, и мужчины, и женщины...

Концерт был закончен, мы раздали всем диски с песнями Раисы. Когда мы собирали аппаратуру, зашел старик, который сидел на крыльце своего дома.

– Я услышал песни твои, дочка. Не удержался, пришел. Давно у нас с концертами не приезжали. Наверно, теперь и не приедут. Вот вам сырчиков принес, попробуйте.

– Спасибо большое. Не болейте!

Женщина, которая собирала зрителей, повела нас в дом, покормила. Мы ели лепешки, пили чай с талканом.

– Заставила нас Раиса сегодня поплакать. Как это тяжело осознавать, что твоего села больше не будет. Не знаю, как дальше будет, но те, кто остались, отсюда не уедут. Но как бы ни было, как можно представить, что не будет больше школы здесь, что не будут ребятишки бегать по селу, не будет слышен их смех, что никогда не будем всем селом на праздники...

Голос ее прервался, она всхлипывала, утирала слезу.

Когда мы садились в машину, кто-то принес пакет с лепешками и молоком в полторашке.

Мы уезжали. Уезжали из села Белтир, которого скоро не будет...

СЛУЧАЙ В МОСКОВСКОМ МЕТРО

– Осторожно, двери закрываются! Следующая станция – Беговая.

Динамики вагонов метро напоминают, что нам на следующей станции выходить. Мы недавно переехали сюда, в дом у метро Беговая, поближе к центру, да и дешевле. Снимали комнату. Один вход, три хозяина. На лестничной площадке, около двери, четыре кнопки для звонков. Под тремя или фамилии написаны, или имена. Под четвертым звонком ничего. Потом я выяснил, что это общий, то есть, звонок находился в коридоре. Наверное, это когда кого-нибудь поселят в коридоре. Смешно, но это Москва, все возможно.

Этот сталинский дом (не высотка) находился прямо около метро, он имел п-образный вид, внутри двор, проход в детский сад. Комната была на третьем этаже. Это раньше, когда-то, была обыкновенная трехкомнатная квартира, а теперь, на каждую комнату, свой хозяин. В одной, нашей, хозяином был парень, тридцати пяти лет, каждый месяц он приходил за деньгами. Во второй жила молодая пара, не знаем, кто хозяин, а в третьей жила бабушка лет семидесяти. Оказалось, что хозяйка этой квартиры была она. Вернее, ее родители. По ее рассказам, жили они, поживали, семья, дети, но потом, в какой-то момент, когда еще она была маленькой, стали других людей подселять.

Сперва они лишились одной комнаты, потом второй.

Комнат три, то есть и хозяев три, а все остальное общее. Кухня, ванная, туалет. В кухне стояла плита, рабочая, но видимо, прихватила времена еще живого Сталина, грела нехотя, иногда вообще не грела. Когда настроение не то. Так же, как и у бабки. На правах бывшей хозяйки всей квартиры она давала инструктажи. Как и следовало старой бабке, была странной и вредной. Но по настроению. Когда нормальная, когда... Однажды она меня закрыла в туалете. Что-то серьезно мне говорила по поводу обращения с общим имуществом, но я ее не стал слушать, а демонстративно пошел в туалет. Она за мной, пытается остановить, чтобы я дослушал. Я захожу в туалет, закрываю дверь перед ее носом. Слышу, шпингалет щелкнул. Не придал значения. Но когда стал выходить, дверь не поддавалась. Потом, когда мои освободили меня из этого плена, я с бабкой поругался. Говорю, вы во времени опоздали со мной заигрывать. Сбрасывайте, говорю, лет пятьдесят со своих лет, тогда можем и поиграть. Маху дал, нельзя такое говорить женщине. Обиделась. Мы долго не разговаривали. Но потом все закончилось тем, что она была частым гостем у нас в комнате, приносила конфеты Славику, и мы к ней заходили. А когда уезжали, всплакнула, просила звонить, в гости звала, когда будем еще в Москве.

Но что-то тормознул я на этой бабке, мне нужно про метро рассказать.

Жизнь метро – это жизнь другого мира. Здесь нет солнца, но светло, как днем. Нет магазинов, но купить можно все. В переходах, по обеим сторонам, ларьки. Продают пирожки, сотовые телефоны, билеты на концерты. Не имея билетов, можно в переходах посмотреть выступления артистов: певцов, танцоров, фокусников. Широкие лестничные проходы не вмещают человеческие тела. Можно не двигать ногами и руками, толпа сама будет тебя нести, а обернувшись, ты увидишь море, море людей. И как-то даже жутко станет от этого моря: как бы не утонуть в нем, удержаться...

Эскалаторы, уносящие тебя неизвестно куда. Ползут и ползут, и не видно конца и края. То вниз, в бездну, то вверх, в пустоту. Речь диктора в динамиках, вначале кажется, что она на иностранном языке, так как эхом, ударяясь о стены и колонны метро, звуки рассыпаются на куски, превращаясь в общий голосовой шум. И запах. Этот запах метро. Как говорится, единственный и неповторимый.

И бомжи. Бомжи, инвалиды. Их так много. Вот идет один по вагону, с протянутой рукой. Все морщат носы, отворачиваются. Другой, стоит на входе, прижавшись к калориферу, греясь теплом, идущим от него. Холодно, на улице зима. Лицо у человека ничего не отображает, оно опухшее, заросшее щетиной, глаза прикрыты. А вот покатил безногий человек на самодельной каталке. Отталкивается от пола руками, тормознет, посмотрит по сторонам, – не подает ли кто, – и дальше. Так ловко во время

остановки спускается на перрон с вагона, и быстрее, в другой вагон.

Уже на выходе из метро, в переходе сидит девушка. В инвалидной коляске. Молодая. Ноги до колен ампутированы. Худая, лицо белое, почти прозрачное, но глаза живые. На плечи накинута коричневый старенький плед в клеточку, с синими полосками. Коляска инвалидная тоже старенькая, колеса разные, ободок один черного цвета, а другой – нержавейка.

Супруга достает деньги, кладет в ее чашечку. Идем, молчим. А уже дома она будет размышлять.

– Вот собрать бы всех этих московских бомжей, и к нам. Чистый воздух, питаться будут нормально. Но и работу дать, баранов пасти. Видел же, человек семь лежали на теплотрассе, которая на поверхности. Да, снизу тепло, но сверху же холодно, зима. А сколько могут семь мужиков работы сделать.

– Но проведи эксперимент. Отмой этих мужиков, покорми, и к нам, на Алтай, баранов пасти. Не пройдет и суток, они сбегут от твоих баранов в Москву. И найдешь их ты снова на этой же теплотрассе. Не могут быть все люди одинаковыми. Кто-то работает, кто-то не хочет. Люди разные. Как и в природе. Мы восхищаемся красивыми животными, птицами, но брезгливо смотрим, скажем, на жуков, копающихся в навозе.

– Но уж сравнил, людей и жуков.

– А для природы мы все одинаковые, и люди, и жуки. И каждый выполняет свою роль. Если бы не было глупых людей, мы бы не знали, что такое ум-

ный человек, потому что все были бы умными. Если бы не было больных людей, мы бы не ценили здоровье, потому что не знали бы, что такое болезни. Или вот ты. Если бы все пели как ты, и тебя бы никто не заметил. Или те же бомжи. Смотря на них, люди и должны стараться, чтобы с ними не случилось так же.

– Хочешь сказать, что бомжи должны быть всегда?

– Нет, конечно, но знаю одно: никогда не нужно никому навязывать свое понимание жизни. Это мы думаем, что бомжевать плохо. И ему, бомжу, будет лучше, кажется нам, если он будет овец пасти, а не на теплотрассе валяться. А мы у него спросили? Вот в этом и дело. Почему у нас сегодня люди безынициативные? Потому что десятилетиями, а может столетиями нам указывают, как жить. Заставляют делать то, что мы не хотим. А это против природы.

– Хорошо, но ведь разные ситуации бывают. Кого-то обманули, квартиру отобрали, на улицу выгнали. Или вот девушка, в коляске инвалидной, она что, хотела инвалидом стать? Ведь случилось что-то, несчастный случай, наверно, не похоже, что она инвалид с детства.

– Да, и случаев разных много бывает. Людей спаивают, они по пьяни подписывают бумаги, лишаются квартир, это понятно. Человек покалечился, инвалидом стал, но речь не о таких случаях. Я говорю о том, что бывает категория людей, мыш-

ление которых не соответствует общепринятым нормам.

Вот такие разговоры иногда происходили у нас, когда мы встречали в Москве многочисленных бомжей, инвалидов. Супруга их жалела, и всегда старалась оставить денежку. Поначалу.

Бомжей с метро гоняли, а вот инвалидов то ли не трогали, то ли они снова появлялись. Видимо, если они находятся в одном месте, прогонят, они на другой день отправятся в другое место.

Но у той девушки, в инвалидной коляске, было постоянное место. Она сидела в своей коляске на нашем выходе с метро, на переходе. Люди могут повернуть направо, могут налево, она находилась посередине. Иногда ее не было. Но мало ли что. Может, заболела, или по делам куда надо, в собес, или больницу. Интересно, как она ног лишилась, размышлял я. Парни бывают, инвалиды, ясно, в точках горячих побывали. Некоторые в военной форме и сидят. А девушка... Но мало ли. Всякие случаи бывают. И аварии, и в горах, где-нибудь. Мало ли.

Возвращаюсь как-то поздно домой, на метро. Оно вот-вот закроется, успел. Время около часа ночи. Тороплюсь. На переходе, на выходе из метро, стоит группа молодых людей, о чем-то оживленно беседует. Мне налево, край киоска, и ступеньки пойдут. Я сворачиваю, и вдруг меня как током прошило, я остановился, как в стену уперся. Чтобы не поворачивать голову сразу, смотрю на витрины киоска. Киоск уже закрыт, но вывешенные товары

за стеклом освещаются неплохо. Я делаю вид, что рассматриваю эти вещи. И искоса кидаю взгляд на молодых людей. Они не обращают внимания на меня, так же громко говорят, у каждого в руке по банке, видимо пива. Они отхлебывают, смеются. Это были парни, и две девушки. Одна из них была та самая девушка, что сидела на этом месте в инвалидной коляске. Но она стояла! На ногах! Так же «осматривая» содержимое киоска, я приблизился в их сторону, так же незаметно посматриваю за ними. Еще и еще раз перепроверяю себя, может это ошибка. Нет, это была та самая девушка. На ней тот же плед, в клеточку, с синими полосками. А за ними, за киоском, на повороте – коляска. Инвалидная, та же, ее, с разными колесами. Только без хозяйки, она здесь, рядом, с пивом в руке, и ноги в порядке...

Я так же медленно пошел в обратную сторону, снова осматривая киоск. Киоск закончился, я свернул к ступенькам, на выход...

На следующий день, возвращаясь домой, я увидел ее. Она сидела в той же инвалидной коляске, в том же виде. Делая вид, что ищу деньги в кармане, я стал рассматривать внимательнее ее ноги. Все было просто. Она сидела на поролоне, сверху покрытой тряпкой, худые ноги были согнуты в коленях, на них были одеты брюки, специально сшитые, как будто, под культы ног. Очень похоже, что человек без ног. Я нашел какую-то мелочь, положил в ее чашку. Она улыбнулась и молча кивнула. И поправила на себе старенький плед. В клеточку, с синими полосками.

ШЕБАЛИНСКИЕ ДОЯРКИ

В старые добрые времена, когда у нас в стране пили настоящее молоко (как ни ругают сейчас советские годы), работал я в Шебалино шофером. Возил доярок. У меня была грузовая машина, ГАЗ-52, в кузове был сварен металлический каркас, обтянутый брезентом, также было несколько наспех сколоченных скамеек, на которых доярки и сидели.

Сперва я работал на ДУКе, эта такая машина с бочкой, куда заливалась вода, добавлялся креолин, дезинфицирующее вещество, и обрабатывались кошары. Но однажды меня вызвал инженер, и сказал, что я буду возить доярок. Предложение было, конечно, заманчивым, та машина почти новая, а моя была уже, наверно, пенсионеркой. Постоянно ломалась. Да и воняла она сильно, и сам я был вечно пропахшим этим креолином. Но было одно но.

– Но у меня же нет категории. Людей возить.

– Да не беспокойся ты, с гаишниками я договорюсь. Работа не сказать, что тяжелая, но трудная. Просыпаться рано, засыпать поздно, да еще конторских возить.

– Я знаю.

Я сам иногда добирался на этой машине до работы. Топать до конторы далеко, километра три.

– Ну, смотри, на этой работе долго не задерживаются. Ни выходных, ни праздников. У коров их нет. Иногда кем-нибудь будем подменивать.

Стал возить доярок. В пять часов подъем. Еду за доярками. Большая часть их жила в ПМКовских домах, если ехать из города, справа, при въезде. Там были кирпичные двухэтажные дома, которые были предназначены для работников ПМК, строительной организации. Такой, мягко сказать, беспоконный район. Некоторые доярки жили в других районах села. Доярок было восемь человек. Собрав всех доярок, везу на дойку. Летняя дойка находилась за селом, по дороге в Апшухту. За пашней. Сейчас эта пашня вся застроена домами. Высаживал доярок, ехал обратно, теперь нужно собрать всех конторских и увезти на работу, на центральную ферму. Потом еду за доярками. Жду, пока закончится утренняя дойка, везу доярок по домам. Теперь нужно конторских свозить на обед, далее увезти с обеда снова в контору. Здесь у меня может быть небольшая передышка, до пяти часов, если никуда не пошлют. А посылали (то есть вез куда-то, то бухгалтера, то управляющего) почти всегда, так как машины другой для фермы не было. В пять часов увожу конторских домой после их труднейшего рабочего дня, а сам готовлюсь ехать собирать доярок. Скоро вечерняя дойка. После дойки развожу доярок по домам, домой приезжаю часов в одиннадцать-двенадцать. Когда домашние уже спят (я был женат, рос годовалый мальчик). А утром, в пять часов, с первыми петухами, снова подъем.

Труд доярок был устроен так. Дойка находилась в низине, где протекал ручей. Прямо по ручью были построены сараюшки, в которых хранились

бидоны, фляги. У каждой доярки было по 10-15 коров, и свой небольшой загон. По одной корове доярка загоняла, доила. Доила доильными аппаратами, во флягу. Большинство коров уже выстраивались в очередь, потому что доярка их подкармливала комбикормом. Каждый день одна из них (по очереди, вроде дежурства) утром получала в складе комбикорм. По несколько килограммов на корову. Дежурный знал, где, чей мешок, и ссыпал столько, сколько было положено по количеству коров. Или голов. Грузить в машины приходилось мне. Так вот, коровы привыкали к комбикорму, старались первыми пройти в загон, и иногда даже устраивали перепалку, типа как у людей: «Вас тут не стояло!» Но бывали и случаи, когда всех коров доярка подоит, кроме одной. Доярка начинает ее искать. А коров-то больше сотни всего. Кое-как найдет, а та не хочет идти в загон. Ну не хочет и все. Может, критический день у нее наступил. Доярка бегаёт за ней, матерится. Я ей начинаю помогать. И вот мы бегаем уже вдвоем за этой коровой, шлепая по грязи. А грязь на дойке постоянно. Местность сама болотистая, низина, потом дожди в Шебалино чуть ли не через день, да еще коровы как-то не признают туалетов. Иногда, стоишь около коровы, и вдруг, она резко примет соответствующую позу, и из-под хвоста хлынет, как из водоппада, успеваешь только в сторону отскочить, чтобы под струю не попасть, но тебя все равно догонят брызги, уже летящие от земли, но уже вперемежку с темной жижей. И не знаешь, что хуже. Да

еще и отскочив, можешь споткнуться и оказаться... Ну, близко к земле.

Подоив всех коров, доярка должна помыть свой доильный аппарат, фляги свободные, и принести свои фляги с молоком в сарай. Фляги были тоже именные, подписывали или как то отмечали. Фляги доярки таскали вдвоем. Доярка одной рукой возьмется за ручку фляги, другой упрется в плечо другой доярки, и несут они эту ношу под пятьдесят килограммов, меся резиновыми сапогами хлипкую вонючую жижу под ногами, матеря эту тяжелую флягу, эту мокрую погоду, эту работу и свою судьбу – судьбинуюшку.

Не могу на это смотреть, помогаю дояркам таскать фляги. Фляги ставят на ручей, утром молоко вместе с молоком утренней дойки увезут в Чергу, на маслосырзавод.

После работы доярки присаживаются передохнуть. Неспешно переговаривают друг с другом.

– Варька, не займешь десять рублей до полочки? Да Петька собрался в автошколу, через военкомат, пусть учится. В армию заберут, шофером будет. Вернется, хоть будет уметь что-то.

– Хорошо, захвачу завтра. Коля-то твой так и не работает?

– Нет, паразит, вторую неделю пьет. Устроился в бригаду Метелкина, дома строить. Три дня поработал, напился. Его и выгнали.

Молодая доярка лет двадцати жалуется на спину.

– Уже вторую неделю болит, думала, пройдет.

Доярка постарше, укоризненно смотрит на нее.

– Тебе, Галка, рано фляги таскать, бросай эту работу. Тебе и рожать надо.

– А где работать-то? Кому-то и фляги надо таскать. Сама виновата, учебу бросила. А что рано, не знаю, глядишь, скоро и поздно будет. Кто у нас самый старший, тетя Варя? Тетя Вера, вам сейчас сколько?

– Тридцать четыре, Галя.

– А дояркой сколько работаете?

– Да вот уже десять лет скоро будет. Юбилей. Вот этот сезон закончу, брошу. Не могу уже эти фляги проклятые таскать. Только не знаю, где работать. До пенсии-то далеко.

– Тетя Варя, а в среднем, по сколько доярками работают, лет?

– Иногда, бывает, и пару дней не проработают, но, а так, года по два-три. Галина Николаевна работала, она на пенсии сейчас, пятнадцать лет отработала.

Подходит бригадир. Бригадир следит за работой пастухов, регулирует работу доярок, отвечает за отправку молока, обеспечение бригады доярок всем необходимым.

– Петрович, – говорит Варя, – вызови завтра подменную, вместо Галины. Ей в больницу надо.

– Хорошо понял. Ну, в машины все.

Доярки устало усаживаются в машины, поднимаясь по самодельной сваренной из арматуры лестнице. Бригадир, приподнявшись на лестнице, оглядывает кузов, и начинает ругаться.

– Это кто опять комбикорм прикурковал? Сколько можно говорить, весь комбикорм скармливать коровам, ничего не оставлять. Нет, я буду жаловаться управляющему.

– Да я это, я. – Щупленькая доярка подает голос. – Но подумаешь, пару килограммов оставила. У меня свинья на сносях. Ты же не даешь мне комбикорм, я просила.

– А ну, признавайся, бригадир, чего ты ей комбикорм не даешь?

– Видимо, и она тебе что-то не дала, ты обиделся?

Под хохот доярки осыпали бригадира острыми усмешками.

– Ты, бригадир, таксу установи, за мешок комбикорма сколько раз тебя приголубить надо!

– Не бойся, мы твоей жене ничего не скажем!

– Да ну вас, черти полосатые.

Бригадир спрыгивает с лестницы на землю, поправляет фуражку.

– Ладно, бабоньки, до завтра.

– Мы тебе не бабоньки, а работнички – рабы.

– Считаешь нас бабоньками, залезай в кузов, мы тебе покажем, что не только коров доить умеем!

Под хохот женщин машина отъезжает в сторону села.

Бригадир вытер вспотевший лоб, сплюнул на землю, усмехнулся весело, мотнул головой и пошел к своей лошади...

Привыкнуть к такой работе было очень тяжело. Так как у меня не было в привычке спать днем, постоянно не высыпался. Засыпаешь после двенадцати, а вставать нужно уже в пять. И так каждый день, без выходных, и в погоду, и в непогоду. Но видя труд доярок, особенно видя их сгорбленные спины под тяжестью фляг, грех жаловаться.

Конечно, и доярки люди разные. У каждого своя жизнь, своя дорога. И разумеется, и отношение ко всему тоже разное. В том числе и ко мне. Всякое было, но хотелось бы вспомнить хорошее.

Та же тетя Варя (а мне было двадцать с небольшим) в первый день, помню, налила мне в свою большую кружку сливок из фляги, и отломилла хлеба. Фляга с молоком простоит в ручье всю ночь, и сверху образуются густые сливки. Нет ничего вкуснее этих сливок со свежим хлебом.

Как-то бригадир велел погрузить в машину два мешка комбикорма.

– Один отвезешь Катьке, а один себе увези. Вы ведь тоже свиной держите.

– Да, держим.

А потом, на следующий день слышу такой разговор между Петровичем и Екатериной.

– Я уж наказание ждала, а вы наоборот...

– Да ничего, корми свою хавронью.

– Не знаю, как и благодарить.

– Да никак. Опоросится, самого лучшего поросенка у тебя куплю. Сама выберешь.

– Да, конечно.

Были на дойке и дни, когда одна из доярок «беременела». Со спиртным тогда было туговато, доярки иногда ставили бражку, и если наступало какое-то событие (или день рождения чье-то, или муж ушел от кого-то, или еще что), под фуфайкой одна из доярок привозила банку с бражкой. И незаметно от бригадира могли устроить небольшой сабантуй. Бригадир, прознав это, как блюститель порядка на вверенном ему участке, иногда встречал доярок на дойке с вопросом:

– Так, товарищи, беременные есть?

– Откуда, бригадир? Мужья пьянствуют, ты к нам не подходишь. Ветром что ли надует? – язвили доярки.

– Смотрите у меня. Пьянству – бой!

Но потом, через несколько дней может быть такая картина: веселые, подвыпившие доярки поют песни и рассаживаются в машины. Бригадир, тоже раскрасневшийся, бросит взгляд на недопитую банку с бражкой, которую доярки прихватывают с собой, решительно махнет рукой, полезет в кузов и бросит пастуху-сторожу:

– Валька, коня моего расседлай, привяжи...в общем, сам знаешь.

А когда будет выходить, в деревне, откроет дверь в кабину: «Только управляющему не говори». И неровными шагами направится домой.

А я никому и не говорил. Ни бригадиру про доярок, ни управляющему про бригадира.

А бригадир наутро с серьезным видом будет уже на дойке встречать доярок.

– Так, комбикорм чтобы весь коровам отдали. А то жаловаться буду, управляющему.

Жизнь продолжается.

Как то пришлось мне прервать работу, на неделю уехать в город. Приезжаю, доярки жалуются: «Как ты уехал, все у нас нарушилось. Васька, что тебя подменял, то опоздает, проспит, то вообще загулял, нам пришлось ночью пешком до дому добираться. Да и машину твою, он где-то стукнул, смотри. Так что нас ты больше не бросай».

Действительно, вид у машины был печальный. В кабине грязно, везде окурки, пыль. Правое крыло помято, одно колесо заднее спущено. Действительно, хоть не отлучайся никуда.

Был один случай в этой моей работе, даже не знаю, как этот случай назвать.

Каждый день, утром наше молоко, вчерашней вечерней и утренней дойки, увозили в Чергу. Что произошло в тот день, я не знаю. Может быть, молоко признали негодным, может быть, на заводе что-то сломалось, но молоко привезли обратно. Бригадир поехал к управляющему. Он вернулся часа через два. Оказалось, они ездили и к директору совхоза. Бригадир отозвал меня в сторону.

– Сделаешь так. Стемнеет, подъедешь к реке и выльешь молоко.

– Куда?

– Ты глухой? Подъедешь к речке и выльешь.

– В речку? Все фляги? Их там штук тридцать!

– Да хоть триста!

Я стоял в недоумении. Бригадир тоже был взвинчен. Я предложил:

– А если людям раздать? Жалко же.

– А мне не жалко? И я предлагал. Но это не три литра, и не ведро. Два дня будешь раздавать. Да и не нужно, чтобы кто-то знал. И ты никому не говори. Даже дома. В общем, все. Как стемнеет...

Я с детства знал, что молоко на землю выливать нельзя. Так меня учила бабушка. Когда молоко остается в какой-то посуде, и прокисает, ждут, когда оно превратится в простоквашу, и съедают.

И тут, чтобы столько молока вылить на землю! Первая мысль была: увезти домой и куда-нибудь слить. Но куда сольешь столько, да и у нас у самих молока много: две коровы доятся.

Стемнело, на небе появилась луна. Я выехал за деревню. Речушка была мелкая, я доехал до середины, залез на кузов.

Посидел на борту. Самым трудным было вылить первую флягу. Подтащив ее к краю борта, открыл крышку, положил флягу на бок, и когда содержимое вылилось, приподнял за дно. Речка моментально окрасилось в белый цвет. А я лихорадочно подтаскивал фляги, выливал, отбрасывал в сторону, брал другую... Никогда не забуду, как из под машины бурлила и вытекала белая река, под лунным светом блики на воде играли, иногда становились то желтыми, то зелеными, то красными...

Фляги были опустошены, белое пятно реки постепенно уменьшалось и вскоре исчезло. А я сидел

на борту машины, весь в поту, уставший и опустошенный...

Через полтора десятка лет большой делегацией мы гостили в Одинцовском районе Московской области. Что-то в духе сотрудничества с этим районом. Но это было во время очередных выборных баталлий. Там проходили учебы, встречи с предпринимателями, экскурсии. И повели нас на животноводческую ферму. К коровам. Нас встретили чистые, ухоженные помещения, коровы тоже были как на параде, у каждой свое место, транспортер движется перед ее носом, тут же вода, ткнул носом, вода полилась. Но корова на цепи, как собака.

Работник фермы, или какой-то чиновник начинает рассказывать, как у них все устроено.

После рождения теленок сразу будет отлучен от матери, первое время будет искусственно подкармливаться, и первый год будет содержаться с другими телятами. Если это телка, ко второму году ее приучают к цепи, к стойловому содержанию. Если это бычок, могут отправить на мраморное мясо. Что это такое. Бычка с месячного возраста подвешивают, и кормят в таком состоянии до полугодового возраста. Потом его забивают. Мясо получается очень нежным.

А молодую корову, когда придет время, искусственно осеменяют, и когда родится теленок, она уже может давать молоко. Как посадили на цепь (не могу по-другому сказать) корову, так и до самого последнего дня своего будет на цепи. Постоянно перед носом ее корма: силос, комбикорм, се-

но, какие-то добавки. И все это круто заправленное солями. И тут же вода, пей, сколько хочешь, и когда хочешь. В среднем такая корова дает по сорок литров молока в день. Целую флягу. Доят их по два, а то и по три раза в день. Такая жизнь у коровы продолжается в среднем четыре года. Потом у нее начинаются ломаться кости: за эти годы высасывается весь ее жизненный ресурс. Потом – дорога на мясокомбинат. Получается, эта корова живет раза в три меньше, чем наша.

После такого рассказа я говорю, что надо жаловаться в ООН, на ваше бездушное отношение к животным. Но рассказчик и глазом не моргнул.

– Это корова. А у коровы одно предназначение – молоко давать. Все!

Потом нас угостили молоком. Но мне не показалось, что я пью молоко. Оно было каким-то сладковатым, и пахло чем-то другим. Не молоком. От мраморного мяса я отказался.

Я вспоминал и ту дойку, под Апшухтинским перевалом. И коров, и доярок.

Если бы мне предложили на выбор кружку молока оттуда или флягу одинцовского молока, я бы не задумываясь, выбрал бы кружку молока, молока дорогих мне шебалинских доярок.

КОНЬ

– Ну что, по рукам?

– По рукам!

Мужчины приподнялись со своих табуреток, обменялись рукопожатиями. Один из них, Тимофей, который приехал из соседней деревни, поспешно стал рыться в своем рюкзаке. Через мгновение на столе появилась бутылка «перцовки».

– А остальное что не достаешь, дурак ты старый? Тебе бы только это.

Это его супруга, Настя. Порывшись в том же рюкзаке, она достала сверток. Положила на стол, из свертка на стол переключевали несколько испеченных на угле лепешек, большой кусок сваренного мяса.

– Мать, а ты чего сидишь, и ты на стол что-нибудь собери.

Это сельский механизатор, Кузьмич. А соскочила и торопливо побежала к шкафам, Аксинья, супруга Кузьмича.

– Пока бутылку не распочали, Настя, давай денежку отдадим, пусть пересчитают. Где они у тебя, вытаскивай.

Настя недовольно посмотрела на мужа, отвернулась, долго рылась в своих одеждах, достала деньги, завернутые в газету, перевязанную нитками. Дрожащими руками она долго искала, откуда можно было размотать нитки, не нашла,

схватила со стола нож, и начала перерезать нитки. Наконец она развернула газету и на столе появились купюры денег. Они лежали одной небольшой пачкой, но вдруг, как живые, набухли, пачка увеличилась, наклонилась, стопка упала, а купюры веером рассыпались по скатерти. На них смотрели восемь глаз, даже Аксинья, забыв про шкафы, оказалась около стола. Все смотрели на деньги. Это были купюры по три рубля, по пять рублей, иногда краснели купюры по 10 рублей. Но больше всего было рублей. Купюры были если не старыми, то пожилыми точно. Скомканные, не раз находящиеся в руках многочисленных людей, которые их сгибали и так, и сяк, какое-то время один к одному сложенные в пачку и перевязанные, лежали ровненько, а когда они очутились на свободе, им снова захотелось оказаться в том положении, в котором они лежали в карманах, кошельках. Поэтому они и оказались рассыпанными чуть ли не на полстола.

– Считайте, – с сожалением в голосе, словно расставаясь с чем-то родным, тихо сказала Настя, – здесь ровно триста пятьдесят.

Хозяин с хозяйкой, забыв про угощение, принялись считать деньги. Командовал Кузьмич.

– Так, сперва нужно их рассортировать. Рубли в одну кучку, трешки в другую и так далее. Ты, Аксинья, рубли собирай, и складывай, чтобы картинки совпадали. Деньги порядок любят. Я десятки и пятерки соберу.

Процедура эта длилась долго, опыта в этом деле у них было мало, но все когда закончилось, они устало плюхнулись на табуретки. Кузьмич вытер пот со лба, посмотрел на аккуратно сложенные деньги.

– Да, правильно. Ровно триста пятьдесят рублей.

Гости легко вздохнули, Тимофей перевел взгляд на бутылку «перцовки», которая сиротливо стояла, совсем всеми забытая.

– Аксинья, чего уселась, денег не видела, собирай на стол.

Кузьмич скомандовал, встал, быстро убрал деньги в шкаф. Сам начал разрезать мясо, принесенное гостями, открыл «перцовку», расставил граненые стаканы, разлил спиртное.

– Ну, за попку!

Они чокнулись, женщины чуть пригубили, а мужчины выпили залпом, закусили вареным мясом и солеными огурцами, которые успела выложить на стол Аксинья.

После первой пришла и вторая, речи потекли свободнее.

Кузьмич был возбужден. И деньги, и выпитое спиртное были тому виной.

– Ты, Тимофей, с ним поласковее, Васька приучил, целыми днями может его чистить, гладить, что-то говорить ему. Никогда не видел, чтобы он на него злился. Я-то в животных не сильно разбираюсь, мне железки подавай.

– Да, Кузьмич, конечно. Да я вижу, какой он конь. Табуны-то часто мимо моей стоянки проходят, я давно его приметил. И когда ты ко мне приехал вчера, я и думать не стал. Давно хотел хорошего коня купить.

Тут и супруга Тимофея слово вставила.

– Конь как конь. Чем он лучше нашей Рыжихи. Она, правда, старовата уже. А деньги мы копили на телевизор. Больше года, телка продали осенью.

Тимофей вскипел.

– Но и дуры же эти бабы! Рыжихе скоро двадцать лет будет. В последний раз на охоту ездил, умаялся. Сил нет у нее уже, пройдет несколько километров, все, станет и будет стоять, пока не отдохнет. А телевизор на черта он нам нужен, все равно на стоянке света нет.

– Так детям бы поставили в селе, пусть смотрят.

– Дети пусть сами копят деньги и покупают. Вон зять ни черта не делает, нигде не работает, долго он на шее нашей дочки будет сидеть?

– А что ты у меня спрашиваешь, ты мужик, или я? Уже давно бы к железякам своим приучил, на трактор бы посадил.

– Садят в тюрьму. А тракторов он за километр обходит, интелегент несчастный.

– Ладно вам ругаться, – Кузьмич долил в стаканы остатки спиртного, – у вас сегодня большая покупка. Ну, чтобы конь вам служил долго.

Все чокнулись, выпили.

Настя спросила: «А Васька-то как отнесся?»

Аксинья пожала плечами, кивнула на мужа. Кузьмич уже был совсем хорошим.

– А что, с Васькой все нормально. Завтра мы идем за покупкой.

Больше он ничего говорить не стал, только мечтательно прикрыл глаза.

А Васька тем временем сидел в соседней комнате. Он слышал разговор взрослых с самого начала. С самого утра он с тревогой поглядывал на дорогу, он знал, что сегодня придут за его Сахаром. Так звали его коня. Он сам назвал его так.

Когда он был еще маленьким, лет пяти-шести, они с матерью гостили у дяди Кирилла, Кирилла Иваныча. Он был табунщиком. А когда приехали домой, мама сказала, что дядя Кирилл подарил ему жеребенка. А через пару лет он его увидел в первый раз. Издалека. А когда его обучили, он покатался на нем. У Васьки всегда был в кармане сахар комками. Он попробовал дать один кусок коню. К удивлению Васьки, сахар коню понравился, он быстро разжевал и съел первый кусок. Васька дал еще кусок. Конь аккуратно взял и съел и это кусок. И будто попросил еще. Но больше сахара не было. И Васька стал называть своего коня Сахаром.

Учился Васька в городе, а на лето приезжал домой. И торопился к дяде Кириллу, узнать, как его Сахар. Лошади находились в тайге, и несколько дней он ждал, когда его поймают и приведут. И Сахар, как казалось Ваське, тоже ждал его. Заранее приготовив сахар кусочками, при первой же встре-

че он угощал своего коня, тот с удовольствием ел сахар. Потом они выезжали за деревню, Васька пускал Сахара в галоп. А потом они уставшие и радостные, барахтались в воде.

Когда наступала сенокосная пора, он уезжал со своим Сахаром в совхозную бригаду заготовителей сена. В бригаде было много детей, подростков. У всех были лошади. И конечно, устраивались скачки. Его Сахар всегда приходил первым. Ваське даже не нужно было подгонять коня во время этих соревнований, Сахар сам решал, каким темпом скакать, во время дистанции мог и отставать, но в конце он все равно вырывался вперед, оставляя позади других лошадей.

И в этом году он собирался выезжать на сенокос через несколько дней. Сахар был у него уже около месяца. Но вчера отчим Кузьмич позвал его вместе сходить в магазин. Они подошли к промышленному магазину. Кузьмич велел его подождать на улице, а сам зашел в магазин. Через некоторое время он вышел в сопровождении продавца. Продавец был грузным, хотя и не старым. Кузьмич кивнул Ваське, они направлялись в сторону складов магазина. Продавец долго открывал дверь: на ней висело несколько замков, и их все нужно было открыть. Наконец дверь открылась. Чего тут только не было. Какие-то шкафы, столы, зеркала, велосипеды. Кузьмич прошел вглубь склада.

– Васька, иди сюда.

Васька прошел и в конце склада увидел новый мотоцикл.

– Как, нравится? Покупать будем.

Васька потерял дар речи. Он подошел. Мотоцикл блестел новенькими металлическими деталями, глушители красиво переливались на солнце различными красивыми оттенками, красивое сиденье было обтянуто чем-то черным. Васька хотел было прикоснуться, и отдернул руку.

– Да не бойся, потрогай, пощупай, – захохотал отчим.

Васька положил руки на руль, покрутил газ, стал гладить обшивку сиденья.

Тут подошел продавец. Его опухшее лицо было равнодушным и недовольным.

– В общем, жду два дня. Деньги не принесешь, Кузьмич, продам другим. Тебе помогаю, потому что и ты мне помогаешь, сено вывозишь. Но долго держать не могу, сам понимаешь. Выходим.

Дверь закрылась, продавец снова брэнчал замками, с Кузьмичем они еще о чем-то говорили, Но Васька их не слышал. Перед глазами его до сих пор блестел красками новый мотоцикл.

– Что стоишь, идем. Завтра у нас будет новый мотоцикл. Ты кататься-то умеешь?

– Умею маленько. Витька учил.

– Научись, я научу. А мотоцикл нам нужен. Только вот какое дело. Денег-то у нас столько нет. А продавец, сам слышал, ждать не может. Придется лошадь продать.

– Какую лошадь?

– Как, какую, у нас она одна. Как ты ее зовешь, рафинад?

– Сахара продать?

– Ну, Сахара, какая разница.

Кузьмич рассмеялся. А Ваську как будто кто-то по башке чем-то ударил. Остановился и смотрит ничего непонимающим взглядом на своего смеющегося отчима.

– Ну что ты так на меня смотришь? Подумай, зачем нам лошадь? Зимой она в табуне, надо присматривать за ней, летом всего три месяца ты ее видишь. Потом ее поить-кормить надо, ходить за ней. Но зачем она нам?

– Это моя... мой конь.

– Но и мотоцикл будет твой. Мне-то он зачем нужен. У меня машина. Куда надо, я на грузовике и съезжу. А ты приедешь на каникулы, весной или осенью, мотоцикл вот он, в сарае, завел, поехал кататься, девок возить. Поехал в школу обратно в город, поставил в сарай, есть-пить не просит. А лошадь, кто его знает, в тайге или медведь задерет, или волки съедят. Все может быть. Или от болезни сдохнет. Лошадь это вчерашнее время, а мотоцикл – это сегодняшнее. А завтра уже о машине думать надо. Прогрессивно нужно мыслить, отходить от лошади и сохи. Ну, что молчишь, я уже и покупателя присмотрел, если не против, они могут завтра деньги принести.

– И коня забрать?

– Но, а как. Они нам деньги, мы им лошадь. Потом мы тому толстяку деньги, он нам мотоцикл. Я

видел, мотоцикл тебе понравился. Ну что, соглашаешься? Молчание – знак согласия. Все, договорились, сегодня же съезжу к Тимофею, он как раз спустился с женой со стоянки в деревню на два дня.

Как ни хотел Васька, чтобы покупатели не пришли, но они пришли. Как ни хотел, чтобы гости как можно дольше не выходили из-за стола, но они вышли.

– Спасибо за чай, Кузьмич, пойдем мы. Выводи своего коня.

– Все сделаем, пойду за Васькой.

Кузьмич пошел к выходу и увидел Ваську.

– Ты здесь? Выводи свою лошадку. Люди хорошие, обижать не будут. Выводи.

Он хотел погладить Ваську по голове, но тот увернулся и быстро пошел на улицу. Кузьмич, его супруга, Аксинья, гости тоже засобирались, вышли на улицу. А на улице уже стоял Васька, а рядом, на аркане его конь, Сахар. Тимофей похлопал по шее лошади.

– Что-то мы и веревки с собой не взяли.

– Сейчас я уздечку принесу, – Васька побежал в сарай.

Когда все было готово, Васька сказал: «Сейчас, за ограду выведу».

Он как-то хитровато улыбнулся, оглядел всех и повел коня за ограду. Не успели все выйти за ограду, как Васька одним махом очутился на коне, и крикнув: «Хер вам, не коня!» – галопом понесся по

селу. Только разбегались врассыпную куры из-под копыт, да собаки, с лаем пускавшиеся в погоню, бросали эту затею, так как быстро отставали, эстафету принимали другие собаки, но с тем же финалом.

А Васька на Сахаре скакал все дальше, село уже осталось далеко позади, мелькали деревья. Седок с лошастью уносились все дальше и дальше, словно за ними гналась какая-то беда, или они убегали от чего-то нехорошего. Васька скакал верхом, и в памяти его тоже быстро проносились, словно тоже скакали, какие-то кусочки: вот он кормит Сахара сахаром, вот они мчатся первыми на скачках, а вот он падает в первый раз с Сахара, когда он перепрыгивал через бревно, а вот он в первый раз видит своего коня, еще не Сахара...

А потом они купались в реке, Васька дурачился, со спины Сахара нырял в воду, выныривал прямо перед носом коня, конь тоже принимал игру, фыркал и бил копытами по воде. Васька вышел на берег, вечерняя прохлада тронула его тело, но он ощущал какой-то огонь внутри, возбуждение. Сахар щипал траву рядом. Васька знал, что конь не уйдет от него далеко. Лег на землю.

Солнце давно село, стало темнеть. А Васька все лежал, разглядывал появляющиеся звезды, думал. Потом его накрыло усталостью, он стал засыпать. Ему снился сон: он мчится на своем коне по полю, наперегонки с мотоциклом, новеньким мотоциклом, за рулем которого хохотал его отчим Кузьмич. Хохотал, потому что мотоцикл был впе-

реди лошади. Васька наклонился к своему Сахару, и крикнул: «Давай, Сахар!» И Сахар сделал свое дело: в нужный момент он ускорился, оставив далеко позади мотоциклиста с его мотоциклом.

Сахар, конь Васьки, и верный его друг, всегда был первым.

ТРУДОВАЯ КНИЖКА

За два года ничего не изменилось. Тот же металлический забор, вечно открытая калитка, здание с зашарпанными стенами. Та же вывеска. Строительная ПМК № 1106. Коля постоял, вспоминная, как он три года назад стоял и читал эту вывеску. «ПМК сто десять-б». Так прочитал он. Еще удивился, неужели в этом маленьком городе целых 110 строительных организаций. Наверное, да, подумал тогда он. Но потом вообще был поставлен в тупик, потому что оказалось, что номер МПК не 110, а 1106. Сюда он устроился работать после школы, поработал год, пошел в армию. И вот через два года, отслужив, он пришел в контору строительной организации, в которой он официально начал работать, где ему завели первую трудовую книжку. Он постоял, усмехнулся, осмотрел территорию и вошел в контору, которая ему показалась родной. Он поскорее хотел увидеть Николая Григорьевича.

Поднимаясь на второй этаж, также заметил, что особых изменений и внутри здания нет. Та же доска объявлений, те же стены и полы. Документы он оформлял, когда устраивался на работу, в отделе кадров, у Штанакова Николая Григорьевича. Вот его кабинет. Та же вывеска, «отдел кадров». Но дверь оказалась запертой. Он подергал, пошел дальше по коридору. В приемной сидели две не-

знакомые девушки и рассматривали какие-то бумаги. Он поздоровался.

– Я хотел увидеть начальника отдела кадров, Николая Григорьевича.

Девушки переглянулись между собой, одна спросила: «А вы кто будете?»

– Я работал здесь, после школы. А сейчас с армии вернулся.

– Николай Григорьевич, его здесь нет,... то есть... умер он. Уже больше года. А начальником отдела кадров другой человек. Нина Макаровна, она будет через полчаса.

– Как... умер? Болел?

– Немного.

Коля растерянно пошел к выходу. Вышел на улицу, и долго стоял на территории. Он вспоминал.

Штанаков был не очень старым, и на вид очень энергичным человеком. В первый день, когда Коля пришел устраиваться на работу, он выдал бланк медицинской справки, и вверху рукой написал: «работа на высоте». И велел пробежаться по врачам. Два дня он бегал по поликлиникам и больницам, собирая подписи врачей. Когда справка была готова, Коля под диктовку Николая Григорьевича написал заявление. Потом перед ним оказалась вторая бумага.

– А здесь мы напишем заявление на квартиру, то есть ты напишешь.

– На какую квартиру?

– Какую-какую. Однокомнатную пока. Ты холостой, больше не положено.

– Так я уже живу, в общежитии.

– Но не будешь же ты вечно в общежитии жить. Никто не говорит, что тебе сегодня квартиру дадут. Ты живи, работай, а очередь твоя будет двигаться. Женишься, или в общежитии тебе надоест жить, и вот тебе, пожалуйста, года через два-три и очередь твоя подоспеет. Всего у нас стоит в очереди двадцать восемь человек. Ты будешь двадцать девятым. В год мы сдаем примерно по одной пятиэтажке. Десять квартир из 56 дают строителям нашей организации. Квартира еще никому лишней не была. В общем, пиши, я продиктую.

Забрав заявления, он объяснил, куда идти, назвал фамилию бригадира, в чью бригаду был определен Николай. Так он стал строителем.

Николай Григорьевич любил ходить по объектам. Входило это в его обязанности, или нет, но два раза в неделю он появлялся у них, на пятиэтажке, где работала бригада, в которой работал Коля. Объект находился недалеко от конторы, через дорогу, может, поэтому он часто был у них. Он ходил по этажам строящегося дома, разговаривал с рабочими, бригадирами.

Однажды Коле передали, чтобы он зашел в отдел кадров. В конторе его ждал Николай Григорьевич.

– В город приехала приемная комиссия строительного техникума, из Бийска. Хочешь выучиться на строителя?

– Даже не знаю. Никогда не думал.

– А работать пошел строителем, не специально?

– Да нет, хотел на завод ЖБИ, но далеко. Поближе и решил устроиться, на стройку.

– А профессия строителя нравится?

Коля даже не знал, что ответить. Честно говоря, не очень то нравилась. Только матерки рабочих, которые так остро воспринимал на слух Коля, чего стоят. Он молчал.

– Понятно. Но, в общем, так. Парень ты толковый, учился нормально. Два дня приемная комиссия будет принимать экзамены. По математике и по русскому. Иди, сдавай экзамены. Если поступишь, будешь учиться заочно. Будешь работать, и время от времени ездить на сессии. Вечерами будешь учиться, контрольные работы делать. А чего болтаться. Не понравится, бросишь, большой беды нет. А техникум закончишь, опыта наберешься, мастером будешь. Потом прорабом, и кто знает, может, начальником придешь, в эту контору.

Он рассмеялся, похлопал Колю по плечу.

– Все, иди, готовься к экзаменам. Начальнику я скажу, на два дня тебя отпускаем.

Экзамены Коля сдал, поступил, и раза три до армии съездил в техникум на сессии. Учеба ему нравилась, вечерами чертил, считал, выполнял контрольные работы. Николай Григорьевич все время интересовался, как идут дела в техникуме.

В один из своих очередных посещений строительного объекта, он увидел, как Коля уже самостоятельно выкладывает кирпичную кладку. Поставил, посмотрел, ничего не сказал, ушел. А через

некоторое время пригласил Колю в кабинет, вручил бумаги с вопросами.

– Найди учебники, выучи эти темы. Будешь сдавать теорию. А с практикой у тебя все нормально. Если хорошо ответишь, у тебя будет третий разряд каменщика. А это прибавка к зарплате.

Перед комиссией Коля отвечал уверенно, допустил всего одну ошибку. Ему выдали удостоверение каменщика третьего разряда, чему он был очень рад. Это был его первый профессиональный документ.

Коля ходил по территории, он не знал, что делать. Смерть Николая Григорьевича его так взволновала, что он только ходил, ничего не соображая. Как так? Как обухом по голове. Он представлял, как встретит Николая Григорьевича, расскажет как служил, расспросит, где теперь рабочие с его бригады... А получилось...

В окне приемной он увидел тех двух девушек и еще одного мужчину. Потом мужчина исчез. Через минуту он вышел из конторы, подошел к Коле, поздоровался.

– Тебя Николаем зовут?

– Да, Колей.

– Я так и понял. Меня зовут Иван Петрович. Я в профкоме работаю. Николай Григорьевич говорил мне про тебя, хвалил. Ты единственный из очередников, кто у нас в армии. Недавно мы смотрели списки, ты стоишь восьмым. Сдаточный дом в сентябре, нам в том доме дадут двенадцать квартир.

Так что, через три месяца у тебя будет собственная квартира.

– Квартира? Какая квартира?

– Как какая, ты же в очереди стоишь на квартиру. Забыл?

– А я даже не знал, что так быстро, не надеялся даже.

– Так ты же в армии был, пока служил, как-никак два года прошло, а очередь то двигается. Солдат спит, служба идет! Так, нет? У тебя из родственников кто есть? Мать, отец?

– Когда был в армии, мать умерла, теперь в деревне осталась одна бабушка.

– Но что, надо восстанавливаться, и за работу. Рабочих у нас не хватает. Сам-то, что думаешь?

– Даже не знаю. Хотел Николая Григорьевича увидеть.

Коля помолчал, подумал.

– Может, в деревню уеду. Там бабушка одна, помогать надо.

Коля удивился. Эта мысль пришла ему в голову в эту минуту.

– Но, дело твое. Только если уволишься, всё, квартира пропадет. То есть, другому рабочему достанется, кто за тобой в очереди. Смотри, дело хозяйское.

Иван Петрович пошел в контору.

Коля вышел за ограду, на улицу, опять постоял. Он с таким волнением, с такой радостью заходил в эту калитку, а теперь внутри у него была пустота. Он никак не мог представить, что его

близкого человека не стало. Только теперь он понял, как дорог был ему этот человек, как потечески он отнесся к Коле, как помогал он ему, очутившемуся сразу после школьной парты в суровой жизненной действительности, в коллективе заматерелых взрослых рабочих.

Его пятиэтажка, на которой он начинал работать, была уже почти построена. Тогда было только два этажа, а теперь она уже стояла под крышей. Он был там, час назад. Бригады его там уже не было, там работали отделочники. Сказали, что Семин, бригадир, уволился, а рабочих, вроде бы, по другим бригадам разбросали.

Коля медленно пошел по улице. Странно, как все быстро меняется. Какое настроение было у него, когда он шел в контору, и сейчас...Он остановился, снова посмотрел на контору. Теперь она ему казалась чужой.

Вечером он сходил на переговорный пункт, позвонил в деревню. Узнавал, как бабушка.

Через два дня автобус вез Колю, преодолевая высокие перевалы, в его родную деревню, где жила его бабушка, его родной человек.

Коля с жадностью всматривался в окно автобуса, за два года он соскучился по этим местам. А в кармане лежала его трудовая книжка, последней записью в которой было: «Уволен по собственному желанию»...

АППЕНДИЦИТ

– О, Николай Петрович, заходите, заходите!

Со стола вскочил и подбежал навстречу входящему, человек чуть выше среднего роста, в клетчатой рубашке и почему то в кепке. На лице его сияла радость, хотя и не знало оно уже несколько дней следов каких либо инструментов типа бритвы или бритвенного станка. Он суетился, стал помогать раздеться гостю.

А гостем был хирург, приехавший из районного центра.

– Ну, здравствуй, Кузьма Иванович, как поживаешь-то?

– Привет, привет, дорогой. Я что, я ничего. А вы-то, какими судьбами?

– Да позвонили, мальчик у вас заболел. Приехал, посмотрел. Надо в район везти. Я приехал-то еще в обед, то да сё, осмотрели, пока непонятно, что. Надо анализы взять, обследовать хорошо. Сейчас они в дорогу собираются, мать вместе поедет. Живешь-то ты недалеко от медпункта, я помню. А они поедут, к дому твоему подъедут, посигналят. Я решил к тебе заглянуть, узнать, как ты после операции.

– Ой, спасибо, Николай Петрович! Спаситель вы мой! Уже полгода прошло, все хорошо, поправился, дай бог вам здоровья.

– Да, эта была операция... Таких у меня никогда не было. В твоей избе, при свете керосиновых ламп. Да, узнаю. И этот стол, и потолок этот. И лампы керосиновые висели. Я вижу, ты, и гвозди после этого не вытащил?

– Да пусть, черт с ними. А вы от бога врач, хирург, таких поискать! Так, чай будем пить.

Кузьма стал разливать чай, выложил на стол хлеб, сахар.

Николай Петрович достал из своей сумки бутылку водки, кусок колбасы, пачку чая.

– Да вы что, зачем. Это я должен вас благодарить. Бываю в райцентре, все хочу, как-то к вам зайти, спасибо сказать, спаситель мой. Вы, можно сказать, из лап смерти меня вытащили.

– Работа у нас такая, Кузьма, что сделаешь. А ты так и не женился?

– Нет, Николай Петрович, не женился. Не идут за меня. Уже привык один. Да и работа бригадира, она беспокойная, то туда ехать, то сюда. Дома-то редко бываю.

Они пили чай, вспоминали тот зимний день, когда хирург делал операцию Кузьме. Аппендицит.

– Я зашел еще и вот по какому делу, Кузьма. Меня коллектив больницы выдвинул в депутаты по вашему селу. Так вот, нужна поддержка твоя. Поможешь?

– Какой разговор, Николай Петрович. Да я всю деревню подыму. Меня все знают. Выборные моменты для меня знакомы.

– Но говорят, конкурент у меня основной будет крупный коммерсант районный. Ты его знаешь, Сергиков его фамилия.

– Да как не знать, он часто приезжает, водкой торгует, да спиртом. Да кто за него будет голосовать. Всех уже потравил своей самопалкой. Да все сделаем, как полагается. Вот в прошлый раз...

На улице посигналила машина.

– Это меня, – хирург встал из-за стола, – поеду. В общем договорились? Надеяться на тебя?

– Обижаете, вот увидите, вся деревня за вас будет. Это я вам говорю. И все сделаю, как надо.

Машина проехала село. Оно было небольшое, здесь проживало человек триста. Был свой медпункт, изредка приезжал сюда и Николай Петрович. Сейчас он вез в маленьком уазике очередного больного, мальчика, его сопровождала мама, они сидели на заднем сиденье, он на переднем, около водителя. Ехал и вспоминал. Кузьму, или вернее сказать, операцию Кузьме.

... Это было примерно полгода назад. Из этого села позвонили в районную больницу, заболел человек, жалуется на страшные боли в животе, ходить не может, лежит. В обязанности Николая Петровича входило выехать к больным в дальние села, если понадобится, доставить в районную больницу. В этот раз он еще раз сам перезвонил, поговорил с фельдшером, предположили, что это симптомы, скорее всего, аппендицита. Был уже вечер. Распорядился, чтобы вызвали шофера, готовили машину, а сам стал собираться в дорогу. Сбежал до-

мой, перекусил, предупредил супругу, что едет к больному в село, будет поздно. В больнице сложил в сумку халат, и почему-то пошел в операционную. И начал складывать нужные для операции инструменты. Непонятно зачем, ведь операции проводятся только здесь, в районной больнице. Поймал себя на этой мысли.

Выехали они через полтора часа после звонка. До этого села было недалеко, километров сорок. Езды тоже минут сорок. Но сейчас зима, впереди был перевал, который может заметать снегом. А сегодня погода как раз ветреная. До перевала они доехали быстро, но их опасения подтвердились. Дорога местами была заметена снегом. Первые снежные преграды они проскочили легко, подъема еще не было крутого, скорость была большой. Но когда подъехали к повороту с более крутым подъемом, скорость уменьшилась, машина забуксовала. Снежный занос был уже больше. Шофер сдал машину назад, с разгона попробовал еще раз. Не получилось. Снова назад, снова разгон. Проскочили. Но на следующем повороте та же история. Даже с нескольких попыток проскочить не удалось. Машина стала. Водитель и хирург стали лопатой отгребать снег. Работали по очереди. Проезжали несколько метров, снова работа руками, еще несколько метров машина продвигается вперед, остановка, снова лопата...

Они выбились из сил. А до вершины перевала было еще далеко. В один из моментов, когда машина отъезжала назад, для разгона, ее стащило в

кювет. Теперь нужно было откапывать машину. Машину откапывали, она буксовала, и еще дальше скатывалась. Потом и совсем стала, ни вперед, ни назад.

Обессиленные, водитель с хирургом стояли, не зная, что делать.

- Надо за помощью, в райцентр, - сказал водитель.

- Так, сейчас до него сколько километров?

- Километров тридцать, тридцать три.

- Это только к утру дойти можно будет. А до того села?

- От перевала километров семь.

- А до перевала сколько осталось?

- Да здесь недалеко, метров триста-пятьсот.

Николай Петрович подумал. Потом сказал: «Виктор, делаем так. Сливай воду, бери в машине все ценное, документы, я возьму сумку с инструментами, идем дальше пешком. Там человек при смерти».

Несмотря на то, что до перевала было недалеко, шли долго, по сугробам (дорогу уже замело изрядно), и к вершине дошли уже промокшими от пота. Они хотели передохнуть, попить чаю из термоса, которая была у водителя, но порывистый ветер заставил их пройти чуть ниже. Они присели, попили чаю, зажевали хлебом, и двинулись дальше. Сумка с медицинскими инструментами казалась легкой, но после продолжительной носки ее, казалось, она все тяжелеет и тяжелеет. Хорошо, у Виктора сумка легкая, термос да немного еды. Он

забирал сумку хирурга, хирург брал сумку Виктора, так они менялись. Медленно, но шли. За перевалом идти было легче, дорога шла вниз, ветра здесь практически не было, и дорога, соответственно, была не заметенной снегом. Они шли молча, под ногами скрипел снег, иногда подвывал ветер, который неожиданно, откуда то налетал и так же неожиданно исчезал. В лесу, окружавшем дорогу с двух сторон, когда ветер успокаивался, было темно и тихо.

По дороге они еще два раза останавливались, отдыхали, во второй раз допили чай в термосе. До деревни было уже близко, редкие тусклые огни в окнах домов были уже видны.

Деревня их встречала молча, только тьякнет лениво полусонная собака в чьей-нибудь ограде, в конуре, да успокоится, когда пройдут люди. А чего выбегать, холодно.

Дверь медпункта была на замке. Виктор побежал за фельдшером, он знал, где она живет.

Прибежала фельдшер.

– А мы уже и не ждали сегодня никого.

– А вам же позвонили, что мы выехали, как не ждали?

– Но уже поздно, думали...

– Так, где больной? Открывайте медпункт.

Фельдшер забрнчала ключами, открыла дверь.

– А больной дома.

– Как дома, нужно же за его состоянием смотреть.

– Я была у него, где-то, час назад.

– Как он?

– Температура. Весь в поту.

– Плохо. Почему в медпункте холодно?

– Да я топила утром. Но целый день ветер, выдувает.

– Виктор знает, где живет больной, как его зовут-то?

– Знает, конечно. Кузьма он, наш бригадир.

– Я сейчас с Виктором пойду к больному. Вы поднимайте моториста, пусть заведет дизель, даст свет.

Постоянного электричества в этом селе не было, свет давали утром и вечером: заводили дизель.

– Ладно, только он сегодня свет не давал, не знаю, почему. Пойду, узнаю.

Хирург долго осматривал больного. Заставлял сесть, встать, лечь. Надавливал на его живот. Больной еле-еле мог говорить, кое-как двигался, на лбу выступали крупные испарины пота. Хирург что-то спрашивал, больной отвечал. Потом хирург надолго замолчал. Обдумывал серьезную ситуацию. Нужно делать операцию. Срочно. Нужен свет, теплое помещение. В медпункте холодно. Делать дома? Да, если дадут свет...

Пришла фельдшер. С плохой новостью. Дизель не завести. Солярки нет. Последнее моторист залил еще вчера. Сегодня дизель уже не работал. Солярку обещали на днях.

Хирург громко начал ругаться, нервно заходил по избышке. Потом присел. Помолчал.

Потом обратился ко всем, к фельдшеру, к родственникам больного, здесь были две женщины и мужчина.

– Увезти мы его не можем, нет транспорта. Да и опасно далеко везти. У него аппендицит. Положение серьезное, если отросток внутри лопнет, если уже не лопнул, будет заражение. Нужна операция, иначе ему не жить. Операция, срочно. Но операцию делать негде, в медпункте холодно. Потом нет света, нет условий. Операция невозможна.

Он оглядел присутствующих, они слушали молча, понурив головы. Никто ничего не сказал. Хирург продолжил, на этот раз его голос был тверд и решителен.

– Но операция будет. Распределяйтесь между собой, как удобно, но нужно сделать вот что. Несите, собирайте у соседей керосиновые лампы. Нужно штук пять-шесть. Грейте на печке воду. Нужно принести из медпункта все, что нужно для операции. Скатерти, вату, спирт, лекарства для уколов, все, что может пригодиться. Инструменты у меня есть. Уберите все со стола, сегодня он будет операционным. Все, действуем, времени у нас мало, если вообще есть.

Еще через час операция началась. Пять керосиновых ламп были подвешены к потолку, на кухонном столе, постеленном белой простыней, лежал Кузьмич. Все, что говорил хирург, он слышал. И теперь он лежал, испуганно кидая взгляды на блестящие от огней керосиновых ламп лезвия скальпелей, покорно исполняя команды хирурга.

В избе остались только двое медиков. И больной. На печке грелась вода, на небольшом столе были разложены медицинские инструменты, приготовлено все остальное.

Фельдшер и хирург в чистых белых халатах решили вмешаться в судьбу Кузьмы, если ему уготовано что-то плохое. Ему положили на лицо мокрую тряпку, и он начал уходить в сон, чтобы очнуться только на следующий день...

...Проезжая перевал, хирург кинул взгляд на мальчика. Он спал. Мать его не спала, придерживала голову сына. А Николай Петрович вспоминал, как здесь застряла его машина в тот раз, как он обессиленный добрался до села, как решался, делать или нет операцию в таких условиях. Как после операции от усталости он не мог даже говорить, а потом уснул, кое-как сняв медицинский халат, и проспал до обеда следующего дня. Потом он каждый день звонил, узнавал о состоянии здоровья Кузьмы. Удивительно, но никаких осложнений у него не было.

Машина подъехала к больнице, он распорядился, чтобы больного мальчика определили в палату, назначил пару уколов. Остальное лечение – с завтрашнего дня.

Пошел домой. Дома его ждали супруга и десятилетний сын.

...Недели через три, после разговора с Кузьмой о выборах, сидел Николай Петрович в выходной день дома, над бумагами врачебными колдовал.

– Отчеты, справки. Замордовали! То ли справки писать, то ли больных лечить. От наших бумажек здоровье у людей не прибавится.

Супруга сидела у печи, газеты свежие читала.

– Вот депутатом станешь, и добивайся, чтоб бумаг было меньше. Кстати, как у тебя дела выборные?

– Да ничего, у меня там одним из сторонников, помнишь, операцию делал ему, у него дома, в селе, Кузьма.

– Помню, как не помнить. Статью про тебя написали потом, «Операция при свечах», по-моему, называлась.

– Да, да. Так вот, Кузьма бригадиром работает. Обещает, что все сделает, там все его знают.

Он продолжил копаться в бумагах.

Через некоторое время супруга, найдя в газете какую-то информацию, обратилась к мужу.

– Как ты говоришь, звали того, кого ты оперировал? Кузьма...

– Кузьма Иванович. Кузьма Иванович Турбеков. А что?

– А Сергиков, кандидат в твоём округе, конкурент твой?

– Вроде да, а что случилось-то?

Супруга не ответила, приподнялась, в руках у нее была местная газета. Она молча положила перед мужем газету, ткнула пальцем в нее – где читать, и отошла от стола.

Николай Петрович начал читать, куда указала супруга. Через некоторое время кровь хлынула в

лицо, он не верил своим глазам. Потом снова начал перечитывать текст. Он был помещен в колонке о выборах. А в тексте было:

Дорогие избиратели, мои земляки!

На предстоящих выборах прошу вас всех проголосовать за уважаемого жителями нашего села, успешного предпринимателя Сергикова Дмитрия Лукича. Он снабжает нас качественными продуктами, хорошими товарами. Он будет у нас хорошим депутатом.

Бригадир животноводческой фермы Турбеков Кузьма Иванович.

А под текстом фотография двух человек – Кузьмы, в той же кепке, и полного высокого – Сергикова.

Николай Иванович не мог успокоиться. У него задрожало внутри, не глядя на супругу, он вышел. Пошел в сторону огорода, постоял, вернулся к дому, прошел к ограде. Около поленницы была будка, из нее, гремя цепью, вышла, и, виляя хвостом, стояла его собака. Он подошел к ней, опустился на колени и стал гладить свою собаку. Ей это нравилось.

Хирург приподнялся, прошелся, посмотрел на улицу. За оградой гоняли мяч его сын с соседскими пацанами, один сосед чинил мотоцикл, другой копался в огороде.

Он снова посмотрел на свою собаку, подмигнул ей и улыбнулся.

– Вот тебе и аппендицит!

И пошел домой.

МЕДВЕДИЦА

– Это я стал понимать потом. Сначала не доходило до меня, почему это вдруг такие несчастья на меня посыпались. А потом стал догадываться.

Дед Михай начал закуривать. А Сашка молчал, слушал. Ждал, когда тот достанет пачку сигарет, вытащит из нее одну сигарету, помнет в руках, начнет хлопать по карманам - искать спички. Закурил, глубоко втянул в себя табачный дым. Помолчал. Сашке казалось, дед курил всегда. Когда копался в огороде, когда носил воду в баню, когда колол дрова.

Дед Михай это Сашкин сосед. Появился он в их деревне около года назад. Напротив Сашкиного дома, в небольшой старой избушке жила старая бабка, тетя Маша. Ворчливая такая. Все ей не нравилось. Не нравилось, когда друзья Сашкины шумно разговаривали, когда ждали его, не нравилось, когда Сашка ремонтировал свой старый мотоцикл.

– Чего тарыхтеть целыми днями, если ехать, надо ехать, а чего возле дома тарыхтеть, – ворчала она, высыпая сорняки с огорода на дорогу.

А Сашка не мог понять, почему мотоцикл работает с перебоями. Снимал свечу, прочищал, заводил, снова снимал, менял на другую, снова заводил, глушил мотор, проверял провода, снова заводил. А бабке это не нравилось. Ворчала. Но Сашка не обращал на нее внимания.

Он учился в местном институте, на педагога. На втором курсе. Потому в перепапку с тетей Машей не вступал, все-таки на педагога учится.

А когда соседка, тетя Маша заболела и умерла в прошлом году, домик ее некоторое время пустовал. Потом сказали, что дом продали. А жить в нем стал этот дед. Это был небольшого роста человек, лет семидесяти, приветливый. В первую же встречу подошел к Сашке, поздоровался, немного поговорили. Осмотрел Сашкин мотоцикл, посоветовал натянуть цепь и затянуть ослабшие винты крепления крыла колеса. Сказал, что будет жить здесь, в этой избушке, расспрашивал про родителей Сашки, про него самого, про соседей. Потом, когда встречались, всегда здоровался, о чем-нибудь спрашивал. Сашке он понравился. Приветливый человек, наверное, добрый. Но глаза грустные, отметил Сашка, ведь он как-никак на педагога учится, а педагог и психологом должен быть, ведь с детьми работать.

Деда звали Михаил. Так он сказал, при первой встрече.

– Но меня в родном селе Михаем звали, и ты можешь меня так же называть. Дедом Михаем.

Дед Михай очень редко сидел дома. Все время что-то делал на улице. Разбирал старый сарай, сооружал второй, копал яму под туалет, ставил новый, разбивал грядки, копался в огороде. В редкие часы, когда его не было видно на улице, значит, он или обедает, или немного решил вздремнуть. Он как-то сразу перезнакомился с соседями, с Сашки-

ными родителями, что-то спрашивал про огороды, семена. В общем, был общительным. Сашка со временем мог спокойно зайти к нему, если понадобился какой-нибудь инструмент. У деда Михая было много разного инструмента, каких не было в доме у Сашки. Да и в технике он разбирался отлично, подсказывал Сашке по мотоциклу.

Сашка выяснил, что деду Михаяу шестьдесят семь лет, приехал он сюда из соседнего села, семьи у него нет. А позвал его сюда друг его, живет на краю села (Сашка видел его несколько раз у деда).

Про семью, на вопрос Сашки, дед Михай как-то ответил уклончиво, сменил тему, да и Сашка больше не расспрашивал.

Так шло время, Сашка учился, иногда заглядывал к деду Михаяу.

– Привет, дед Михай, чем занимаетесь?

– Да вот, копаю яму под погреб. Как думаешь, глубоко надо копать?

– Да я откуда знаю, вон у бати надо спросить. Хотя и он знает ли, у нас нет погреба.

– А почему не сделаете?

– А кто его делать то будет, батя на работе, я учусь. Да и зачем он нужен, погреб этот. В магазине все есть. Пошел, что надо, купил.

– Оно так-то так, но ведь там сплошная химия, а свое, с огорода, это совсем другое.

– А что теперь не химия, дед Михай. Одежду носим – химия, дома строят – сплошная химия, еда – вы уже сказали. Так и нужно привыкать к этой химии, что делать. Или давайте отменим всю

химию. Не будем есть продукты с химией, откажемся от синтетической одежды, а она на 99 процентов такая, откажемся от машин, там сплошной пластик, да и бензин – самая ни на что есть химия, не будем строить дома из современных материалов на основе химии, будем рыть берлоги, залезем в них и будем жить, как медведи. Вот там все настоящее, натуральное, никакой химии. Или я неправ?

– Берлоги... медведи... медведица... медвежата...

– Вы о чем, дед Михай?

Но дед притих, сразу как-то осунулся, молчал, думал о чем-то своем.

– Так вы хотите так жить, как медведи в берлоге?

Но дед молчал. Сашка понял, что дед не в себе, и пошел домой. Около калитки он оглянулся. Дед Михай стоял, опершись на лопату, и смотрел вниз, в одну точку. Уже заходя в свой дом, Сашка снова оглянулся. Дед так и стоял.

Наступала зима. Огороды после веселого зеленого летнего настроения окрасились в темные цвета: урожай был убран, только кое у кого оставались еще кучки картофельной ботвы, да и еще не совсем пожелтевшая трава по краю огородов чуть-чуть скрашивала этот унылый вид. Дни стали холодными, пошли дожди, потом морозы, выпал первый снег. Он днем таял, снег шел снова, снова таял, но в один день он повалил так сильно, что наутро было уже ясно, что снег этот до весны. Ударили морозы.

Сашка все бегал на занятия, сдавал зачеты, экзамены.

Как-то вечером, забежал он к деду Михаю, давно его не видел.

Как обычно, дед его встретил приветливо.

– Заходи, Сашка, заходи. Раздевайся, как раз я чай пью. Будем вместе пить.

Действительно, на столе в тарелке было нарезанное свиное сало, соленые огурцы, помидоры, колбаса, хлеб, бутылка водки, открытая, чуть отпитая. Это удивило Сашку. Он никогда не видел деда Михая распивающим спиртное, сколько раз заходил к нему, никогда не видел у него на столе спиртное.

– Да я погляжу, у вас событие какое-то? День рождения?

– Присаживайся, сейчас чаю тебе налью.

Дед разлил чай по бокалам, достал для Сашки вилку, ложку.

– С вареньем вот. Или с молоком, как хочешь.

Он достал еще одну стопку, налил водки, пододвинул Сашке, в свою стопку долил.

– Не, дед Михай, я не буду.

– Твое право, заставлять не могу. Молодец. А событие у меня такое, Сашка. Вот уже три года сегодня, как померла моя супруга. Три года.

Он выпил, поставил стопку на стол. Молчал. Но и Сашка ничего не спрашивал. Как то раньше он спросил у деда про семью, тот не ответил толком. А теперь сам начал. Значит, продолжит. Вопросы тут

ни к чему. Как-никак, Сашка уже на третьем курсе на педагога, соображает, не зря ведь учат.

Дед действительно продолжил. Закурил и продолжил.

– Больше сорока лет мы с ней прожили. Я жил в райцентре. Там с ней и познакомился. Я был после армии, мы заготавливали дрова для школы. В лесу. Потом привозили к школе, выгружали, складировали в поленницы. До начала учебного года оставалось несколько дней. В помощь к нам складировать дрова отправили молоденьких девчат, их отправили в наше село по распределению, после училища. Молодые, работали, веселились. Так и познакомился, на одной из них, Людмиле, я женился. Она работала в школе, родился ребенок. Годы через три мы решили переехать в другую деревню, к ее родителям. Нам выделили квартиру в двухквартирном доме, супруга работала в школе, я устроился лесником. Охотился, жили неплохо. Родился второй ребенок, сын.

Все было нормально. Я сдавал соболей, белок, деньги всегда в доме были. Дети подрастали. Дочь окончила школу, уехала учиться в город, на бухгалтеру. Сын учился в десятом классе. Вовсю помогал нам по хозяйству, иногда я брал его на охоту, учил охотиться. У меня появились друзья в городе, кто-то закажет шкурку соболю, кто-то жир медвежий.

Дед Михай подлил еще чаю, прошелся, снова закурил. Потом продолжил свой рассказ.

- Был у меня друг. Ну как друг, приятель больше. Николаем звали. Он помогал мне иногда шкурки сбывать. Разумеется, и сам в накладе не оставался. Так он давай меня подначивать, просить охоту ему организовать, на медведя. Из берлоги. Кто-то рассказал ему про такую охоту, вот он и загорелся. Покоя мне не дает. А я на медведя редко охотился, а с берлоги только два раза, и то с мужиками. А сейчас строго с этим делом, и мужики редко этим занимаются. Покоя мне не дает, ты, говорит, охотник опытный, давай, организуй. И стал я (а дело было зимой) на охоте присматриваться, не встретится ли мне берлога медвежья. Раза три я встречал случайно такие места на охоте, но быстро уходил оттуда. А сейчас специально искал. Медведь на ровном месте берлогу не делает. Нужно искать на косогоре, в рытвинах, рядом с поваленными деревьями, где мало звериных троп. Но и берлогу снег выдает, он будет немного подтаявший, от дыхания зверя. А если рядом нижние ветки деревьев поломаны недавно, зверь, точно, где то здесь. Он этими ветками землю в берлоге подстиляет. Еще мхом и сеном. Умный, собака!

Нашел я все-таки берлогу. Запомнил это место. Позвонил Николаю, так мол, и так, приезжай. Он говорит, приеду через пару недель. Я тем временем вернулся на то место, без собаки. Надо было точно найти вход в берлогу. Искать долго не пришлось, когда я раскопал подтаявший снег, увидел вход в берлогу. Правда, он был завален мхом, ветками, травой. Я ничего трогать не стал, вернулся домой.

Николай привез нарезное боевое ружье, да и меня тоже был неплохой карабин. Мы выехали на лошадях. Километра за два мы их оставили, проверили ружья, зарядили. Я приготовил длинный шест из сушняка, один конец заострил. Собака бежала рядом, не беспокоилась. Но когда мы стали приближаться к берлоге, то ли она что унюхала, то ли передалось на нее наше волнение, но она насторожилась, залаяла. Я цыкнул на нее, она замолчала. Мы остановились, стали обсуждать, как действовать. Потом приступили к работе.

Сердце мое бешено колотилось. Я подошел к берлоге, убрал около входа снег, осторожно начал вынимать траву, мох, все, что было на входе. Из берлоги пахнуло чем-то неприятным, пошел небольшой парок. Там было тихо. Я отошел от берлоги. Пустили собаку, сами с ружьями наготове стояли, ждали. Собака рванулась было в берлогу, но тут же моментально выскочила. Оттуда послышался приглушенный шум, видимо, рычание медведя. Собака стояла у входа в берлогу, лаяла, но туда не шла. Шум из берлоги тоже не доносился. Собака лаяла, но в ответ тихо, рычанье больше мы не слышали. Так продолжалось долго. Я распорядился, где стоять Николаю, сам повесил карабин на плечо, и начал просовывать шест в берлогу. Шест без препятствий проникал в берлогу. Когда шест настолько углубился, что от него было на поверхности всего около метра жердины, я почувствовал, что он уперся во что то. Это было что-то мягкое, упругое, не земля и не корень дерева. Я перехватил

удобнее свой шест и толкнул его сильнее. Дальше все развивалось с молниеносной быстротой. Какая-то сила вытолкнула мой шест. А так как я держал его крепко, меня вместе с шестом отбросило метра на два. Послышался рев, затем из берлоги вылетело мохнатое существо и сцепилось с собакой, которая отпрыгнула в сторону. Хорошо, не в мою. Николай стал стрелять. Я тоже соскочил, хорошо, ружье мое осталось при мне, на шее, когда я падал. Стараясь не попасть в собаку, мы стреляли и стреляли. Медведь отшвырнул собаку. Но и сам медленно повалился набок. Мы еще долго стояли, держа ружья наготове. Медведь лежал. Я взял половину моего шеста (оно оказалось сломанным), потыкал медведя. Он не шевелился, был мертв. Собака, прихрамывая, обежала медведя, лаяла и кусала его. Вдруг она снова подбежала к берлоге, и залаяла внутрь берлоги. Мы насторожились.

– Николай, может быть второй, ружья наготове!

Мы ждали. Было тихо, только лай собаки. Вдруг из берлоги вылетает лохматый комок и бросается в сторону. Медвежонок! Через мгновение второй, тоже за ним. Перед берлогой снег был заранее нами притоптан, пару прыжков они сделали хороших, но дальше, утопая в глубоком снегу, они застряли. Выпрыгивали, исчезали, снова выпрыгивали. За ними, стреляя, бежал Николай. Подстрелил одного, второго. Когда я подошел, один медвежонок еще был жив, шевелил лапами. Николай выстрелил. Я осмотрелся. Кругом снег, белый-белый, и кровь на снегу, красная-красная. И два

черных пятна. Медвежата. Совсем маленькие, с полсобаки каждая. Я оттащил и привязал собаку, которая терзала мертвого медвежонка. На душе было скверно.

Все шкуры, и медведицы, и медвежат, забрал Николай.

Я все так же охотился, жизнь шла своим чередом.

Но в какой-то момент все пошло не так. Когда я в очередной раз был на охоте, случился пожар в нашей квартире, вспыхнул газовый баллон. Супруга успела выскочить на улицу. Пожар потушили, дом спасли, вторая квартира не пострадала, но внутри нашей все сгорело или испортилось. Дочь к тому времени жила отдельно, вышла замуж. Сын был в армии. Переехали в небольшую избушку, что нам двоим, много надо, что ли. Супруга была на пенсии, но еще работала. Однажды она заболела. Тяжело, надолго. Ровно три года назад я ее схоронил.

Дед Михай затягивался сигаретой, к еде не притрагивался.

– Да и как не догадаться. Когда Николай поехал со своим сыном на охоту, случилась беда. У них машина была, ГАЗ-66, с будкой. Они в будке и ночевали, печка там была. Ездили на нем и на орех, и на охоту. Не знаю, как там всё было, но они в будке угорели. Да, проходил глушитель в машине через будку, но вряд ли они машину заводили. А печь в будке маленькая, там нет трубы, чтобы закрыть и угореть. Может, дверца печки открылась, угли высыпались. Опять, пожара-то не было. В общем, уди-

вительно, непонятно. На похоронах я был, осталась жена с двумя дочками.

И вот после этого-то я и догадался. Это все из-за медведицы с медвежатами. До этого как-то сны мне снились. И видел медвежат этих. Они были живые и играли на траве зеленой. Это были точно они, я их хорошо запомнил. Это расплата за наш грех. Мы лишили жизнью двух небольших детенышей, пусть даже зверя. А за все надо платить.

– Да брось ты, дед. Всякую чушь городишь. Что, мало людей медведей стреляет, что теперь все они должны умереть? Ерунда какая.

– Я думал так же, как ты, когда мысль эта пришла мне в первый раз. Но слушай дальше. Приходит сын из армии. Устроился шофером. Работал, женился. И начал пить. Дружки, компании. Через полтора года, как мать его похоронил, положил его рядом. Пьяный шел по дороге и попал под машину. Дочь уехала с мужем куда-то, не пишет.

– Но если следовать логике твоих мыслей, скоро и тебе хана, извини за грубость.

– И об этом я думал, сынок. Нет, мне не хана. Было бы так, это было бы очень легко. Я буду жить. Жить и мучиться. Каждую ночь буду лежать, пытаюсь уснуть. А перед глазами будут стоять супруга моя, Николай со своим сыном, мой сын, Сережка. Я думал, перееду, лучше станет, забудется. Не забылось. Думал, чем-то буду заниматься, работать, легче будет. Не стало легче. Каждую ночь просыпаюсь в холодном поту: снятся эти медвежата, то живые, то мертвые, как тогда. На белом снегу, чер-

ными пятнами, два медвежонка. Они бежали, хотели жить...

По лицу деда Михая текли слезы, он их не стеснялся, не вытирал.

– Мне ничего не будет. Вернее, будет, оно есть, вот такое наказание. Жить и мучиться. За дочь беспокоюсь...

КАЛЕНДАРЬ

Славик психовал. Он шел за санями, лошадь кое-как тащила сани в гору. А дед Савелий развалившись на санях, попевал песню, иногда прикрикивая на лошадь. А лошадь была старая, но добрая. Славику нравилось общаться с ней, и она тоже знала, что если он появится, чем-то ее угостит, кусочком пряника, или сена подкинет. Вот и сегодня целый день она стояла, запряженная в сани, а Славик выбегал, все высматривал, не появится ли дед, и подкидывал лошади сена из саней. Сани были хорошо нагружены, мешок муки, лапша в бумажных мешках, еще что то. А дед как ушел утром, так и пропал. Появился когда уже темнело, веселый, напевая песенки. И вот мало того, что заставил ждать, появился пьяный, да еще заставил Славику бежать за санями. Он и так в санях замерз, так его и бежать заставляет этот дед. Да еще Сашка сказал, что он едет учиться в город. И мама там же. И останется он с бабушкой.

Славик с бабушкой жили на стоянке Кара Суу. Дед Савелий с женой, и он с бабушкой. Взрослые целыми днями работали на улице, убирались за коровами, кормили их, гоняли на водопой, готовили дрова. Славику тоже хотелось помогать, но толку от него было мало, сил у него хватало только на то, чтобы таскать на себе большую шубу из овчины, которую сшила бабушка. Он путался в полах

своей шубы, утопал в снегу, падал, злился на себя. «Но ничего, – думал он. - Скоро я вырасту, как Сашка. Сашка уже большой, он учится в школе, в первом классе». Сашка это его старший брат. В деревне, куда он ездил с дедом Савелием, учился Сашка. Сашка сразу повел его в школу. В школе было очень много детей. Почему-то они все были переодеты в каких-то зверюшек: зайцев, медведей, лиса одна была. Нет, конечно, это не лиса, не похожа. У лисы нет платья, да и косичек нет. Он видел лису несколько раз около стоянки. Белок видел, зайчат. Медведей нет, не видел. Переодетые ребята ходили вокруг елки, взявшись за руки, и пели песенки. Славик с ними не захотел ходить. Потом раздавали подарки. Вот конфеты понравились.

– Эй, спаситель, запрыгивай сюда. Ну что, согрелся?

Это дед Савелий. Он его так зовет с тех пор, как заметил, что Славик помогает мышам: опускал доску мышеловки. Славке было жалко мышей, которых дед каждое утро мертвыми вытаскивал из под тяжелой доски. Когда взрослых не было, мыши бегали по дому, они Славика не боялись. И Славик их не боялся, подкармливал крошками хлеба. У деда была мышеловка, которую он сам сделал. Она была устроена так. Сверху была толстая тяжелая доска. Дед поднимал один ее край, и с помощью маленькой досточки и палочки устанавливал так, что доска не падала. И ложил на маленькую досточку крошки хлеба. Однажды Славка решил проверить мышеловку. Нажал на маленькую досточку.

А большая, сверху, как шмякнет руку Славика. Больно! Но потом он научился придерживать верхнюю доску и тихонько ее опускать. И когда дед в очередной раз сооружал свое оружие, Славик вечером незаметно от деда опускал доску. Утром дед радуется, мышеловка сработала, еще одна мышь готова, а под доской ничего нет. Но потом он узнал, что это Славика рук дело, и здорово его отругал. И с тех пор он и зовет Славика спасителем.

Славик быстро залез в сани, он уже не сердился на деда. Тут он заметил, что действительно ему стало тепло, даже жарко. Хотел снять шапку, но дед прикрикнул:

– Шапку не снимай, заболеешь. Скоро доедем.

Лошадь преодолела гору, пошла резвее. На небе далеко белела луна, дорога неплохо освещалась, было морозно и тихо, был слышен только хруст снега под копытами лошади и шум скользящих саней. Славика потянуло в сон, он согрелся и устал. Его целый день одолевали мысли о том, как такая большая елка могла оказаться в школе. Наверно она была маленькая, сделали дыру в полу, посадили и она выросла. Нет, наверно там росла елка, а потом вокруг нее школу построили. Надо бы у Сашки спросить... Но сон перебивал его мысли, и как он ни старался не уснуть, вскоре задремал...

Когда сани подкатали к дому, Славик уже крепко спал. Дед взял его осторожно на руки, занес в избу. Бабушка его раздела, уложила спать. Ему снилось, что мама его несет на руках, целует, он лежит на кровати, а мама вытаскивает подарки,

конфеты, что-то говорит. Все пьют чай, мама потом почему-то запела голосом дедушки Савелия...

Проснулся он от того, что звякала посуда. За столом сидел дедушка Савелий, вчерашнего веселья как не бывало. Сидел грустный, перебирал чашки. Славик спросил:

– Мама приехала?

Дед нехотя повернулся в его сторону, хлебнул чаю из чашки.

– Чего она приедет? Ей учиться и учиться еще.

Мама уехала еще летом, в город. Сказала, что учиться едет. И Славик всегда выбегал на улицу, когда залает собака. Он уже знал, как лает собака, когда кто-то едет. И ждал, надеялся, что едет мама. И расстраивался, если это была не она. А сейчас и Сашка уедет. Как он теперь будет один. Ему хотелось тоже поскорее вырасти и уехать в город, учиться. И тогда они будут все вместе, мама, он и Сашка. Его мысли прервал дед.

– Вот смотри. Вот этот год закончился. Наступил следующий. Видишь, календарь совсем тощий стал, всего два листочка осталось. Мы его выбрасываем. Я в сельмаге другой купил. Видишь, какой он толстый, новый. Мы его будем отрывать, и теперь давай найдем, когда твоя мама приедет. Вот январь месяц, март, листаем дальше, апрель, вот май. Как раз первое число. Цифра 1. Первое мая. Красным цветом, праздник.

– Какой праздник, как вчера?

– Не знаю, но праздник. Ты хвастался, что буквы знаешь.

– Да, Сашка уже все буквы знает, и меня учит. Эта буква «м», потом «а», а эту я не знаю, Сашка еще не научил.

– Это буква «я». Получается «мая». Первое мая. Так это же большой праздник, я вспомнил. Тут у нас стоянка рядом, называется «Первое Мая». В общем, знай, мама твоя приедет в этот день, 1 мая.

– Тут должно быть не «мая», а мама. Если «м-а», то затем снова «м-а», получается, «мама», так Сашка учил.

– Но почему «мама»-то?

– Но ты же сам сказал, что в этот день мама приедет.

– Вот что, мне тут с тобой калякать некогда. Пойду женщинам помогать.

Работы за эти три дня, пока дед Савелий ездил в деревню, накопилось много. Сперва на санях нужно привезти воду, запаса воды хватало как раз на три дня. Потом нужно съездить в лес за дровами, там были колотые дрова, сложенные в поленницу, за которыми дед ездил на санях, когда около дома дрова заканчивались. А женщины тем временем убирались в кошаре, поили коров, подкармливали более слабых, которых заранее отделяли. В общем, работы в это день хватало, как и всегда.

К вечеру, закончив основные работы, дед и две его помощницы пошли в дом пить чай. Зайдя в дом, они некоторое время не понимали, в чем дело. По всему дому были разбросаны оторванные листы календаря. Они были везде: на столе, на подоконнике, на полу. А за столом с веселым видом вос-

седал Славик. Чисто умывшийся, с прилизанными волосами, довольный.

– Славик, что здесь было?

– Сегодня мама придет.

– Какая мама, кто тебе сказал, что она сегодня придет?

– Дедушка Савелий, но ты же сам сказал, что мама придет в этот день, когда мы до него все листы календаря изорвем.

И он показал на стену.

На стене висел новый календарь. Но похудевший почти наполовину: листы его были аккуратно изорваны. И на первом целом листе календаря красовалась дата – 1 Мая.

ЛОШАДКА

Зазвонил телефон. Звонил заместитель руководителя субъекта. Сказав несколько ничего не значивших фраз, он задал пару тоже дежурных вопросов и перешел к теме, из-за чего он звонил.

– Слушай, в этом месяце запланирована поездка шефа в ваш район. Он уже побывал в двух районах, ваш район третий. Знаешь, в этих районах твои коллеги подарили ему каждый по лошади. Ты тоже лошадь подари. Найдется у вас в районе хорошая лошадь?

– Но, я не знаю. Он же недавно только приступил к работе. Да, его выбрали, да, он до этого был депутатом. Но может, пусть поработает, пару лет, проявит себя, заслуги появятся, будет за что награждать.

– Ты что, сомневаешься в нем? Да у него вон какие связи в Москве, уже с четырьмя министрами встретился. Один из них на будущей неделе к нам прилетит. Соответственно, за ним и деньги. О чем можно сомневаться? Будут деньги, будет и все остальное.

– Но награждают за что-то. А он только в должность вступил. Вот, мне не нравится, не успел человек должность занять, мы ему халат, шапку. Вы же лучше меня знаете наши обычаи, когда, что, и кому дарить. Ладно, поясом опоясали, хорошо. А остальное зачем? Вот приедет этот министр, мы

ему шапку на голову. А он забросит эту нашу подаренную шапку куда-нибудь подальше в своей московской квартире, и будет она лежать годами. А потом ее моль почикает, и окажется она на свалке. Или я не прав?

– Нет, ты непонятливый какой-то. Обычай. Да это люди придумали. А мы свои придумаем. Да это же на благо твоего района, жителей. Один росчерк пера, и у тебя один объект может появиться. А может и не появиться, если настроение шефу будешь портить. Везде так делается, все так делают. Так и тебе ведь тоже коня подарили. На твоей инаугурации. Было такое?

– Да, но...

– Вот видишь. В общем, так. Подумай, подбери хорошую лошадь. Если будет в полном снаряжении, с седлом, и так далее, еще лучше. На улице проведем мероприятие. Думай, через пару дней позвоню.

Долго сидел руководитель района после работы в этот день. Думал. Вспоминал. Да, дарили ему лошадь, и не раз. В первый раз, когда он поработал в этой должности года два, можно сказать, в частном порядке, одна семья (фермеры), подарила лошадь. Заберите, сказали, в любое время. Потом еще не раз напоминали. Но он не забрал. А когда он выиграл выборы во второй раз, руководители сел объявили публично, что дарят лошадь. На что он тут же вышел на сцену и сказал, что отказывается от подарка. Не так еще, мол, хороши дела в районе, чтобы такие подарки получать.

Дня через три заместитель позвонил, как и обещал.

– Ну что, как подарок, готов? Будет нам подарок?

– Будет вам подарок.

– Ну и славненько. Жди нас, мы приедем четко по графику.

В зале совещаний в тот день народу было много. Это был первый приезд руководителя субъекта, поэтому были приглашены все районные чиновники.

Перед мероприятием заместитель подошел к руководителю района.

– Вручение когда будет, сегодня, или завтра?

– Я объявлю.

– Хорошо, я понял.

Встреча проходила часа два. Руководитель субъекта рассказывал о положении дел в стране, о планах работы. Выступали также приехавшие с начальником министры. Присутствующие задавали вопросы, на них отвечали. Нашлись и выступающие. Вел мероприятие руководитель района, а в конце он взял слово сам, встал.

– Конечно, хочется быть, по крайней мере, не в последних рядах среди своих коллег. Знаю, мои коллеги уже подарили вам, Василий Ильич, несколько лошадей. И я тоже хочу подарить вам лошадь. Как символ работоспособности. Желаю вам столько же сил, как у этого животного, для решения вопросов на благо, в том числе, и населения нашего района.

После этих слов он достал из-под трибуны большой бумажный сверток. Начал разворачивать бумагу. Появилось то, что было в свертке. Это была лошадка, вырезанная из дерева, покрытая лаком. Поставил перед Василием Ильичем на трибуну.

– Это вам!

Василий Ильич растерянно смотрел по сторонам, его заместитель сидел во втором ряду, обхватив руками свою голову.

В зале воцарилась гробовая тишина...

Была лунная ночь. Черный джип заезжал на перевал. Приоткрылось стекло боковой двери машины, и оттуда что-то выбросили. Стекло закрылось, машина исчезла за перевалом.

А на дороге осталась лежать деревянная лошадка. Лакированная, она блестела на лунном свете. Не хватало только одной ноги, видимо, при падении отломилась и улетела в кусты...

ДРУГ МОЙ ПАШКА

Он был на год старше меня. Жили мы на одной улице – Круговой. Когда мне было лет пять, мы переехали сюда. Жили в доме, длинном таком. Он был не широким, но длинным. Назывался «барак». На три квартиры. А квартира – одна небольшая комнатуха. Дом был старенький, кое-где протекала крыша, дверь закрывалась плохо, зимой оттуда здорово дуло. Полы были неровные, с большими щелями. Некрашенные. В выходные мама делала генеральную уборку. Отодвигала кровати, и металлической сеткой, встав на нее одной ногой, отскребала грязь с досок пола. Потом отмывала, и пол становился белым.

Когда я в первый раз появился на улице, Пашка спросил: «Футбол умеешь играть?» Я не умел.

– Ладно, нам не хватает одного, пошли. С интернатскими будем играть. Вчера мы им проиграли. На воротах будешь стоять.

Интернат находился рядом, за базой. На площадке интерната были сооружены ворота из камней, несколько детей катали мяч.

– Зовите своих, играть будем! – крикнул Пашка.

Кто-то побежал в интернат. Через некоторое время на улицу выбежало очень много ребятшек. Они выставили свою команду, она осталась на поле, остальные расположились за линией поля, криками поддерживая своих. На воротах я стоял плохо,

мячи так и залетали в наши ворота. Мы проиграли с разницей в один мяч. После последнего гола в мои ворота, дело дошло чуть ли не драки. Мяч задел мою руку, пролетел над камнем, и непонятно было, засчитывать гол, или нет. «Гола не было, корнер!», – кричал Пашка. «Гол, гол!» – орали наши соперники и их болельщики. Пашка сцепился с одним из них на поле, кто-то побежал в интернат: наших бьют, – выскочил воспитатель, и с ругательствами прогнал нас: «И чтобы не появлялись здесь, еще раз увижу, уши поотрываю».

– Был бы у нас свой мяч, – говорил с досадой Пашка, – мы бы не приходили к ним. Ладно, я отцу скажу, он иногда в город ездит, пусть мяч нам купит.

Отец Пашкин был шофером, иногда катал нас с Пашкой в машине. В первый раз я увидел у них дома цветные карандаши. Интересно было, водишь палочками по бумаге, а за ними следы разноцветные остаются. Пока Пашка чай свой допивал, я пробовал что-то рисовать. Это заметил Пашкин отец.

– Рисовать-то умеешь? Дай, я тебе что-нибудь нарисую.

Взял карандаши, и на тетрадном листе стал рисовать. Получился орел. С большими крыльями.

– Возьми. Любишь рисовать, рисуй. А то Пашка не очень-то рисовать любит.

Я аккуратно сложил листок бумаги, положил в карман, думаю, маме покажу вечером. Но вечером листочка в кармане не оказалось. Да и как окажется. Где мы только не были за день, чем только не занимались.

Сначала с пацанами погоняли «мячик», он у нас был из старой фуфайки, обмотанный веревками. Потом шли купаться, на речке было несколько мест, где мы купались. Мы разжигали костер, и могли до самого вечера там находиться. Когда немножко стемнеет, шли воровать на поле, около Башкауса, морковь. Тут главное, не попасться сторожу, он так ремнем отстегает.

А еще у Пашки был велик. Большой, взрослый. Он меня учил ездить на нем. Посадит меня, и подтолкнет под горочку небольшую. Я немного проеду, скорость упадет, и я падаю вместе с великом. Пашка снова закатит велик на горочку, снова меня посадит, подтолкнет, я проеду немного, снова падаю...

– Так, ноги у тебя не достают до педалей, попробуем под рамой.

Это когда ты не над рамой, а как бы сбоку, ноги под рамой. Но так еще хуже. Падаю еще чаще, да еще цепь захватит мои широкие шаровары, сжует, я снова падаю, и мы долго не можем освободить мои штаны. Конечно же, они изорвались, и вечером предстоит серьезный разговор с мамой.

Но Пашка научил-таки меня ездить на велике. На нашей улице велик был только у него. И он не всем давал кататься. А мне давал. И когда учил меня ездить, тоже не показывал вида, что ему велик жалко. Ведь не только я получал синяки, шишки и ссадины от падений. И велик калечился.

Я любил у них бывать. Дом у них был большой, на две комнаты. Его мать нас накормит, а они держали коров, было молоко всегда, и мы с Пашкой

сытно наедались лепешками с молоком. Пока Пашка собирал все нужное для рыбалки, – мы собираемся идти на рыбалку, – я успевал что-то рисовать цветными карандашами. Или разглядывал книжки, читать я еще не умел.

Во дворе у них были качели. Два столба, на них перекладина, на ней свисали веревки, и мы на этих веревках качались. Пашка меня раскачивал, а мне было страшно, я орал. Потом, через много лет, лет через тридцать, примерно, как-то заходил к Пашке. Родителей его уже не было в живых. Перед тем, как зайти в дом, походил. Вспоминал. Дом – пятистенок, оказался совсем маленьким. Все обветшало, устарело. Качели сохранились. Столбы покосились, но стоят еще крепко. Низенькие, маленькие качели. А тогда они мне казались такими большими...

С Пашкой мы стали друзьями. Ни дня не проходило, чтобы мы не встречались. Или я к нему бегу, или он ко мне. То идем с ним на гору, белок искать, то за облепихой, что росла вдоль Башкауса, то в войну с ребятишками играем. Как старший по возрасту, он многому меня учил. Играть в футбол, убежать от сторожа, драться...

Зимой пропадали на речке. Катались на льду, играли в снежки.

Вспоминаю такой случай. Весна, кое-где лед на Улаганчике провалился. Мы искали такие места, и пускали кораблики. Кораблики нас научил делать Пашкин отец. Приготовив из старых тетрадных листочков кораблики, мы пошли на речку. Запускали кораблики, где есть вода. Когда кораблики

доходили до места, где лед еще держался, кораблики исчезали. Мы бежали дальше, и в месте, где лед провалился, и была вода, ждали наши кораблики. Мы очень радовались, когда они появлялись. В одном месте один кораблик зацепился за что то. Я решил дотянуться рукой до него, и вдруг оказался в воде. Дело было к весне, лед, который свисал с берега, на солнце подтаял, и я по нему, скользкому, как с горочки и плюхнулся в воду. Вода меня тащит, я стараюсь за что-то удержаться. Но берега нет, только лед. Я царапаю пальцами, ногтями по льду, но меня уносит. Пашка что-то орет, бегаёт по берегу. Чувствую, одежда на мне становится все тяжелее, а там, перед мостом лед еще не упал, еще немного, и я уйду под лед...

Говорят, меня спасла учительница. Спускаясь со стороны почты с горки, она увидела мальчика в воде. Она побежала, на ходу снимая с себя шарф. С берега она кинула свой шарф, я из последних сил ухватился за него. Упершись ногами о край свисшего льда, она стала тянуть меня. «Только руки не отпускай, только не отпускай!» – кричала она. Она тянула меня, вытасила уже на лед, по льду было уже легче. Она взяла меня за руки, вытасила. Я плакал, она успокаивала меня. До льда, еще крепкого, под который уходила черная вода, оставалось совсем чуть-чуть.

Она не могла разжать мои руки, так я вцепился в этот шарф, спасительный шарф.

– Ты совсем замерз, бежим скорее, где живешь-то?

Я что-то говорил, но видимо, она ничего не поняла, я так замерз, что губы меня не слушались. Мы побежали. И тут я ловлю себя на мысли, что Пашки-то нет. Когда я был в воде, он бегал по берегу. Но куда он делся, неужели сбежал?

Я перешел на шаг, сил бежать не было совсем. Идем. Вдруг видим, кто-то бежит. Это был Пашка. Он что-то громко говорил, спотыкался, падал, подымался и бежал. На плече у него был аркан. Моток был большой, веревки свисали с двух сторон, он на них наступал, падал. Мы приблизились. И я никогда не забуду его сердитое лицо и с досадой сказанную фразу: «А чё меня не подождал?»

Не найдя ничего подходящего на берегу, чтобы меня вытащить, он побежал домой. Зашел в дом, попросил у матери веревку. Она стала выпытывать, для чего. Пашка ничего про меня не сказал. Веревку она не дала, занялась своими делами. Пашка вышел в сенки, нашел ключи от сарая, взял самый большой мотов веревки, которыми отец привязывал сено, когда перевозил на машине, и побежал ко мне. И конечно, как не огорчиться, если у меня уже нашелся спаситель.

Через год мы переехали на другую улицу, Заречную. Там другие друзья, школа. После начальной школы я уехал учиться в город. И как-то не пересекались наши пути. Только уже взрослыми, поехали с ним за сеном. Он работал на стареньком тракторе, ДТ-54. Техники тогда было мало, я попросил Пашку за сеном съездить. Вернулись мы только через сутки. Мы погрузили сено, но когда

спускались с горы, тележка перевернулась. Сено было рассыпано. И мы его всю ночь грузили. А когда сено рассыпается, и его перегружаешь, его становится в два раза больше. Потому что со стога его берешь уже слежавшееся, пластами, аккуратно укладываешь на транспорт, а когда сено рассыпается на землю, пласты разрушаются, и его также уже не уложишь. И всю ночь мы грузили это сено, делали большие перекуры, вспоминали свое детство. Пашка рассказывал, как у него сложилась жизнь, я – как у меня...

Еще лет через десять я его видел в последний раз. Работал я чиновником, сижу в кабинете, в приемной шум какой-то. Наружная дверь то откроется, то закроется. Громкие голоса. Я выхожу в приемную. Ко мне в кабинет рвется Пашка, чуть навеселе, а секретарь его не пускает. Пашка увидел меня, замолчал, смотрит. Постарел, изменился. Но глаза такие же, веселые, озорные.

Я открываю дверь, зову в кабинет. Он победно бросает один взгляд еще на двух человек, ожидающих очереди, второй, уничтожающий, на секретаря, и проходит. Я закрыл дверь, мы обнялись. Он обошел кабинет, стал разглядывать. Я вышел, узнал, по какому вопросу пришли люди, что были в очереди, тут же, в приемной, их выслушал. Когда я зашел в кабинет, Пашка все стоял.

– А чего не садишься?

– Да как то...

Я взял ключи, открываю двери. Пашка удивленно: «А ты куда?»

– Обед скоро, пойдём ко мне домой, пообедаем. Супруга дома, познакомлю.

Женщина в приемной удивленно на меня смотрит, хочет что-то сказать.

Я говорю Пашке, чтобы подождал на улице, сам смотрю на женщину: «Слушаю вас»

Она приоткрыла дверь в коридор, посмотрела, нет ли кого, снова закрыла.

– А зачем вы его домой-то ведете?

– А что?

– Так он же в тюрьме сидел.

– Я знаю.

– Он же человека убил!

– Я в курсе.

– Не надо его домой водить. Вдруг он потом домой к вам придет, когда вас не будет.

– У вас всё?

Дома я познакомил Пашку с супругой, он сидел тихо, ничего не спрашивал. Конечно, он изменился. Тюрьма людей меняет. Не было уже в нем всегда уверенного в себе человека, и кушать-то много не стал. А ведь несколько минут назад в приемной, он был другим, когда рвался ко мне в кабинет.

Когда мы прощались, на улице, он сказал:

– Честно говоря, я не думал, что ты в кабинет-то пустишь. А ты домой повел...

Глаза его заблестели. Мы попрощались. Больше я его никогда не видел.

А домой ко мне он все-таки приходил. Меня дома не было. Он был снова веселый, привел девочку. В руках у нее была коробочка конфет.

– Смотри, доченька, это самая лучшая наша певица. Познакомься с ней. Это супруга моего друга, друга моего детства. Когда мы были такими же маленькими, как ты, мы росли вместе. И видишь, до сих пор друг друга не забываем.

Через пару месяцев Пашку нашли мертвым со многими ножевыми ранениями. Говорят, это дело рук родственников того, из-за которого сидел Пашка. Хотя, кто его знает...

ПЕРЕВАЛ

– А я тебя ждал. Только думал, попозже приедешь. Обычно молодежь спит до обеда, или вообще забывает про свои обещания. Ну, здравствуй, племяш.

Из ограды вышел старик. Он был небольшого роста, волосы были совсем белые, он был чуть сгорблен, но в движениях чувствовалась былая ловкость и энергия. На нем была старая фуфайка, на голове старенькая кепка. Он протянул руку мужчине средних лет, захлопнувшему дверь машины.

Они поздоровались.

– Но я же обещал, что рано приеду. Тем более, до перевала дорога не близкая, потому и приехал пораньше. Так что можем ехать.

– Не торопись, – дед рассматривал машину. – Да, как время летит. Сейчас наших машин-то редко встретишь, все иностранные. Как эта называется? Хотя какая разница, мне теперь не ездить на них, я свое отъездил.

– Ой, колесо что-то подпустило, сейчас подкачаю.

– Да потом подкачаешь. Пойдем в дом.

– Это быстро.

Мужчина достал из машины коробку, вытащил из нее небольшой компрессор, через шланг подсоединил его к колесу. Компрессор зашумел.

– Да, придумают ведь, – говорил дед, – и руками ничего делать не надо. А раньше и представить мы не могли, что даже легковые машины можно будет компрессорами качать. Даже грузовые машины вручную качали, насосами. У меня машина была, ГАЗ-51, вручную и качал колеса. Семьсот качков на ручном насосе – одно колесо, семьсот другое. Так и можешь провозиться целый день, если все колеса менять, а то и дня не хватит. Это потом появились ЗИЛы с компрессорами. А сейчас ты пару минут подождал, и колесо накачено. Ладно, пойдем в дом.

Они зашли в ограду, прошли мимо большого дома, зашли в избушку.

– Вот тут я и живу, уже несколько лет.

– А из дома, за лесхозом, вы сразу сюда переехали?

– Да, дети выросли, разбежались, потом моя Павловна померла, один остался. Знакомых – друзей много, то один с бутылкой зайдет, то второй. Детям надоело на это все смотреть, построили избушку, и вот живу рядом с семьей младшей дочери. Мне и в городе квартиру дали, но что я там делать буду, помру от тоски. Мне в тайгу надо, на природу. Поохотиться. Правда, какая сейчас охота, еле-еле хожу. Меня хватает только до магазинчика и обратно. За читком. Вот такая теперь у меня охота.

– Здоровье-то как?

– Да нормально, грех жаловаться, с моим-то возрастом. Мои-то сверстники уже давно в небесах, а я вот до сих пор маюсь, наверно, грехов много.

Так, я заболтался. Сейчас чай будем пить. Вода в чайнике уже вскипела, а я тебе чай с талканом приготавливаю. С утра я затопил печку, люблю, когда на печке что-то готовится. Даже чай. Или ты его на электроплите вскипятишь, или на печке, на огне. Совсем другое дело. Да, вам не понять. А мы-то всю жизнь около костра, с детства огонь в аиле, на охоту поедешь, тоже около костра. Я сейчас накрошил овечьего жира, поджарю на сковороде, перемешаю с талканом.

Дед подбросил пару лучинок в печку, стал колдовать над плитой. Вкусно запахло жареным. Содержимое сковороды переключало в кастрюлю с кипятком, дед небольшим ковшиком перемешивал содержимое кастрюли, добавляя молоко.

– Все, садись, будем чай пить.

Мужчины аппетитно швыркали чай, заедая лепешками.

– А я помню, – сказал племянник, – бабушка точно так же делала. Над печкой у нее всегда висели ломтики такого же жира, она отламывала кусочек, так же крошила и жарила с талканом, как и вы. Только когда не было талкана, она бросала в сковороду муку. Тоже вкусно получалось.

– А какая разница, продукт-то один, только мука мельче.

Когда с чаепитием было покончено, старик засобирался.

– В рюкзак кинем лепешек, налью чай в термос. Бутылочку не забыть, вчера, когда встретил тебя в

магазине, взял. Принес домой, а пить не стал. Сегодня ехать, голова будет болеть. Все, едем.

Машина проехала один мост, большой, потом посреди села, другой.

– Вот, справа, ты помнишь, мы жили. Потом переехали, в сторону лесхоза. Думал, новый дом, все будет по-новому. Нет, Зинаида заболела. И всегда, когда проезжаю мимо этого нашего бывшего дома, сердце сжимается. Хоть он и маленький и старый, но лучшие годы наши прошли здесь. Всегда у нас было много народу, а это заслуга супруги, Павловны. А как она умела готовить!

– Да, помню, я же жил некоторое время у вас, после армии.

Машина проехала село. А дед все вспоминал.

– Вот здесь болото было, машины все время застревали. Когда сухо, можно было по склону горы проехать, а когда дождь пойдет, большие машины могли и застрять. А большой трактор только у меня был. Они ко мне едут. Что делать, заводишь трактор, и на помощь. Я им подсказываю, как проехать, чтобы не завязнуть. Иногда машины соберутся, не едут, дождь пережидают. А я говорю им, что в дождь и надо ехать, шансов больше. А когда дождь пройдет, выглянет солнце, земля под колесами становится липкой, прилипнет к колесам, и крутятся колеса на одном месте, буксуют. Вот здесь, перед мостом, чуть правее, останови около реки.

Старик вышел из машины, скинул фуфайку, выложил продукты на нее, открыл бутылку. Они

выпили, и некоторое время осматривали окрестности, речку, которая извиваясь, как змея, исчезала за горой.

– Ты про себя-то хоть расскажи, сколько ты уже в городе?

– Как переехали, уже три года прошло. Я работаю журналистом, супруга пока дома сидит, младшему года нет. А старшая, дочь, в пятом классе учится.

– Сюда-то один приехал?

– С семьей, супруга, дети вместе, на своей машине. У меня командировка, очередная, в наш район. Выходные прихватчу, знакомых повидаю. Иногда я езжу по районам. Задание – рассказать про район. И персональное, от редактора – про ваш перевал написать. Про него, считай, вся страна знает. Туристы едут, рассказывают. Я как раз вас хотел найти, на перевал вместе съездить. И как раз в магазине вас увидел. На ловца, как говорится, и зверь бежит. Только я заметил, вы не очень-то хотели ехать. Неужели не интересно еще раз на свое детище посмотреть?

– Нет.

Дед хлебнул чая, заел лепешкой.

– Видишь, вон, за мостом, тальник растет. Как он разросся. Это было лет сорок назад. Там болотистое место, и дорога по нему. Машины все время застревали. Дорогу я прокладывал. А когда появились большие трактора, дорогу по склону горы прорезали. А здесь забросили. И на этой дороге, видишь, как тальник разросся, лес целый. А кто-то

и не знает, что там, когда то, дорога была. Ну ладно, едем дальше.

За разговорами, незаметно, они приближались к перевалу. Выскочив из леса, машина проехала поляну и перед глазами открылась картина: ущелье, уходящее вниз, на сотни метров, внизу, далеко, текла река, до нее было на глаз, около одного километра, по ущелью серпантинном уходит вниз дорога, теряется за поворотами, снова появляется, и далеко внизу, еле заметная, уходит по долине реки.

Мужчины долго стояли перед обрывом, смотрели на горы, ущелье, противоположный склон, на дорогу, прислушивались к шуму ветра, падающих камней.

– И как вам удалось покорить этот перевал, тяжело было? Расскажите.

Дед молча сходил к машине, снова выложил продукты, выпил. И долго молчал. Потом заговорил.

– А что рассказывать. Сам знаешь, все уже написано. Что я, с двумя сыновьями совершил героический поступок, покорил этот страшный перевал, без проекта построил дорогу к двум селам, отрезанным от мира. Что мы терпели холод и голод. Потом была большая делегация, когда дорогу открывали, речи начальников. Потом нам ордена вручали... Ты все это знаешь. Что тебе еще нужно?

Дед снова выпил, кинул стопку на фуфайку. Они молчали. Заговорил племянник.

– А что...не так?

– А все не так. Не строили мы дорогу к этим селам! Это села другого колхоза, не нашего. Мне

нужно было только пробить дорогу для тракторов, чтобы комбикорм возить на наши стоянки, находящиеся внизу, в долине. Приехали мы с председателем колхоза, так же, как с тобой, я и хвастанул, сделаю, мол, дорогу. Но силы не рассчитал, природа оказалась сильнее. Как я ни подбирал трассу, где помягче, попалась скала. Трактором не взять. Работа остановилась. Вот тогда и бросили клич, что дорога к двум селам строится. Прокричали на всю область, начальство областное поддержало. Взрывников послали, скалу взрывать. Работа продолжилась. Мы строили без проекта. А не надо было этого делать. Потому что когда приехали проектировщики, работа, большая часть ее, была уже сделана. Они начали считать, рисовать, а наша дорога ну никак не подходит по стандартам под автомобильную дорогу. И получился проект тракторной дороги, не автомобильной. Так что нельзя по ней машинам ездить. Только тракторам. И эту дорогу невозможно под дорожные нормативы и стандарты подогнать. Слишком крутой подъем. И радиусы поворотов не увеличишь, и крутизну подъемов не уменьшишь – рельеф не позволит. Под автомобильную дорогу нужна другая трасса, другой проект и другая дорога. А кто под это денег сейчас даст, дорога-то построена. Комиссией принимали, большой делегацией! А дороги то автомобильной нет! Ты же про это не напишешь! Вам красиво все писать надо, хвастаться.

Дед налил остатки водки, залпом выпил и швырнул стопку на камни.

– Ты же не напишешь о том, что здесь очень часто случаются аварии, погибают люди. Вы ленточки порезали, уехали, и спите спокойно. А я ночами не сплю, особенно когда снег пойдет, зимой. Все боюсь в очередной раз услышать, что случилась авария здесь. Мне родственники погибших в лицо плюют: «Вот она, твоя дорога!». Сколько раз домой приходили, Павловне выговаривали. А что я сделаю? Что, скажу, что нельзя по ней ездить? Но я же сам вместе с толпой орал, что дорогу делаем, чтобы люди в эти деревни ездили!

Дед неровными шагами пошел к обрыву. Племянник пошел следом. Пошел дождь. Ветер сек каплями дождя мужчин по лицу, внизу, в ущелье, ветер уже шумел по-другому. С дождем.

Племянник тронул старика за руку.

– Пойдемте в машину, холодно.

Старик снял кепку, провел ладонями по лицу, голове. Стряхнул капли дождя с кепки.

– Когда ты вчера сказал про поездку, я начал рыться в своих старых вещах. Где-то у меня валялась кепка, которую я носил, когда работал здесь. Я ее нашел, вот она. Я ее специально взял сюда. Я вряд ли еще приеду сюда. А кепка пусть останется здесь навсегда.

Старик размахнулся и кинул кепку. Она летела долго, еще ветер ее, приподняв, некоторое время кружил, а потом кепка исчезла из виду.

Они уезжали. Старик казался уставшим, вмиг постаревшим еще больше.

– Ты, племяш, самое главное, напиши, что дорогу делать надо, другую. Автомобильную. Я прикидывал, это должно быть, где-то в районе старой конной тропы. А может и в другом месте...

– Я вот даже сейчас и не знаю, о чем писать. А я думал, что вы гордитесь этой своей работой, вы же гремите на всю область, что перевал покорили. Я думал, что это было одно из ваших заветных желаний.

– Эх, племянник. Если бы мне сейчас кто-то предложил исполнить мое любое желание, в обмен на что то, я бы сказал так. Заберите все, что связано с работой на этом перевале: славу, которая на меня свалилась, орден, машину, что мне дали. Все. А мне дайте хотя бы час очутиться около моей Зинаиды Павловны...

Старик прикрыл глаза, по щеке побежала слеза. Он больше ничего не говорил.

Машина медленно ехала по неровной грунтовой дороге. Старик задремал. Проснулся только тогда, когда машина застряла в лесу. Водитель газовал, но машина буксовала. Старик приоткрыл дверь машины.

– Погоди, посмотрим.

Они вышли из машины. Она глубоко сидела в грязи.

– Вот тебе и хваленые иномарки. Наш «УАЗик» бы давно проскочил. Лопата есть? Понятно, и лопаты нет. Так, собираем ветки, сучья, под колеса надо бросить.

Около получаса они возились с машиной. Таскали, что попадется под руки, бросали под колеса.

Пробовали выехать, снова подкладывали. Машина потихоньку освобождалась из-под плена грязи, но не совсем. Чуть-чуть не хватало. И тут старик, сматерившись, вытащил из кабины свою фуфайку и начал приспособливать под буксующее колесо.

– Да вы что, зачем одежду то?

– Ничего, она и так старая. Давай, пробуй.

Через час, оба грязные, но довольные, что едут, они наперебой о чем-то говорили, смеялись.

Когда проезжали соседнюю деревню, старик попросил завернуть в магазин, а потом они поехали, как сказал старик, к его строму хорошему другу.

– Ты езжай, супруга с детьми тебя ждет, волнуется. А я останусь, поболтаем с другом, нам есть о чем.

Машина приехала в село, когда было уже темно. Супруга встречала на улице.

– Что так поздно, ничего не случилось? А машина-то какая грязная, застряли? Сегодня целый день дождь.

– Да есть маленько. Забуксовали.

– Да и сам в грязи. Ладно, проходи. Есть будешь?

...Он проснулся от крика петуха. Вспомнил, что он в командировке, у друга. Он вспоминал вчерашний день, старика, перевал. Да, извозились они в грязи. Черт возьми, у него же нет лишних брюк. Он вскочил, потянулся к брюкам. Но они были чистыми. Он ничего не понимал. Он прекрасно помнил, что, по крайней мере, до колен они были в грязи. Он надел брюки, пошел искать обувь. Ботинки то-

же были чистыми! Ах да, Наталья, наверно и брюки постирала, и обувь почистила.

Он вышел на улицу. Машина тоже была чистой! Этого не может быть, кто ее помыл? Подошел к машине, начал осматривать. Она не была помытой, но она не была забрызгана вчерашней грязью. Еще после приезда из города, когда открывал багажник, он помнит, что машина была в пыли, и теперь она такая же. Но вчера же был дождь. Он ничего не понимал.

Супруга была на кухне.

– Что-то ты поздно встал сегодня. Ты же собирался с дядей Афанасием на перевал ехать. Поедете?

– Что-о?

– Уже забыл, ты очерк хотел писать про перевал. И про дядю Афанасия. Или другие планы?

– Нет... Да, то есть... Слушай, а вчера дождь был?

– Дождь сегодня обещают. А что ты спрашиваешь, сам не помнишь, не проснулся еще? Ладно, садись, ешь. Дорога дальняя. Что-то мальчик плохо спал, от поездки, наверно. Слушай, ты сегодня... ты не болеешь?

– Нет, нормально, сейчас поеду.

Машина подъехала к большому дому, из соседней маленькой избушки вышел старик, и направился к ограде. На нем была фуфайка, на голове кепка. Они были старые и потрепанные.

Он открыл калитку, протянул руку.

– А я тебя ждал...

УЛАГАНСКИЕ «АПАЧИ»

Так называли нас, улаганских пацанов, в девяностые, иногда и сейчас, нет-нет, да промелькнет эта фраза из уст ребят из других районов, но никто сейчас не придает этим словам особого значения, да и большинству, особенно молодому поколению, эти слова ни о чем не говорят.

Апачи – это племена индейцев Северной Америки. В годы нашего детства тема индейцев, подражание их вождям, их героические сражения с работодателями была из главных тем в наших умах. Мы гурьбой ходили на фильмы про индейцев, где-то доставали и вешали фотографии Гойко Митича, актера из ГДР, который играл вождей индейцев, мы наряжались, как они, играли в игры, в их сражения, называли друг друга их именами, например, «Чинганчгук», «Зверобой», «Винетту» и т.д. Зачитывали до дыр книги про индейцев.

Так вот «апачи» были одной из самых воинствующих племен индейцев. Дольше всех они сражались за свои земли, но силы были неравны.

И вот эта фраза, «улаганские апачи», появилась на стыке восьмидесятых-девяностых годов прошлого века, после одной жуткой истории. Свидетелем одного из эпизодов ее оказался и я.

Трое пацанов, подростков из Чибили, как-то набрали на группу туристов, и, угрожая ружьями (возвращались с охоты), забрали у них еду. Тушенку, еще что-то. Туристы приехали в районный

центр, подняли милицию, новость дошла до областного центра. В поиски хулиганов было отправлено несколько милиционеров на лошадях. Узнав, что их ищут, подростки пустились в бега. Их искали несколько дней, поскольку местность в горах не очень знакомая для милиционеров. Говорили чабаном на стоянках, чтобы беглецы добровольно пришли в милицию, или их убьют. Но они наоборот, начали выслеживать милиционеров. Однажды, когда милиционеры находились в аиле чабана, на одной из стоянок, они подъехали на лошадях к аилу. Когда милиционеры начали выходить, началась стрельба. Пацаны ускакали, одна из пуль ранила милиционера. Его на лошади доставили в больницу. Из области был вызван отряд ОМОН, человек тридцать. Разделившись на несколько групп, на лошадях, они пустились на поимки. Но поймать беглецов не удавалось, милиционеры знали, где они были, куда поехали, но всегда немного опаздывали. Или, подростки их опережали. Это продолжалось больше месяца. Бойцы ОМОН менялись, весь район гудел, все ждали, чем это закончится. Конечно, долго продержаться в лесу беглецам было трудно, где-то нужно брать продукты, питаться. А на стоянках дежурят милиционеры. Подростки в один день спускаются в деревню. Но их здесь тоже ждали. Убегая от погони, подростки забежали в здание интерната и начали отстреливаться. Одного милиционера ранили в ногу. Бойцы ОМОН окружили здание и вызвали подкрепление.

Я тогда жил в Улагане, в том районе, где сейчас находится районная администрация. Тогда здания администрации не было, на этом месте было небольшое здание, где хранился спортивный инвентарь, а еще раньше, говорят, там была церковь. Так вот, за этим зданием находилось несколько небольших избушек, в одной из которых я жил вместе с бабушкой. Небольшой старенький дом-пятистенок, под окном которого я ставил машину ГАЗ-51. Только отучился на шофера, устроился работать шофером в ветстанцию. В один из вечеров мы уже ложились спать с бабушкой. Уже вечерело. Вдруг громко застучали в дверь, в окно. Я отодвинул занавеску и увидел несколько людей в камуфляжной форме с автоматами. Я открываю дверь, и в дом вваливаются милиционеры.

– Кто хозяин машины?

– Я. А что случилось?

– Надо будет с нами проехать до соседней деревни.

– А что делать?

Люди были возбуждены.

– Давай, парень, побыстрее, надо преступников ловить.

– Но надо разрешение спросить, у начальника.

– Нам некогда за разрешениями бегать, быстрее одевайся, заводи машину. А вопросы у твоего начальника появятся, пусть в милицию придет.

– Да у меня и бензина-то нет.

– Слушай, пока мы с тобой болтаем, преступники там людей убивают. Скорее!

От Улагана до Чибили три километра, ехать недолго. Едем, двое со мной в кабине, двое в кузове. Слушаю разговор.

– Когда они зашли в один дом, наши им крикнули с улицы, чтобы без оружия выходили. А они выскочили и бросились бежать. Забежали в интернат и начали отстреливаться. Мы там две машины поставили, осветили фарами, еще пару машин надо. Машин-то нет, черт возьми.

– И что сейчас с ними?

– Позвонили в область. Оттуда сказали действовать, согласно приказу. А приказ давно известен.

Мы подъехали. Интернат находился в центре села. С четырех сторон он освещался фарами четырех машин. В мою машину пересел милиционер, проехал ближе к зданию, заглушил мотор. Фары оставил включенными. Кругом бегали «омоновцы» в бронежилетах, все с автоматами, разгоняли местных, отдавали какие то распоряжения, искоса поглядывая в сторону интерната. Я подошел к офицеру, спросил: «Когда машину забирать-то?»

– Когда не надо будет, тогда и заберешь. Утром приходи, а сейчас иди домой, не стой здесь под пулями.

Но из интерната ничего не было слышно. Ни криков, ни выстрелов.

Я пошел домой.

Рано утром прихожу снова сюда. Около интерната стояло несколько жителей, некоторые женщины плакали. Из интерната вышел фотограф, с ним были два милиционера. Они сели в машину и уехали. Вче-

рашних машин, освещавших фарами интернат, уже не было. Стояла только моя машина. Я представлял, что она будет как решето, от пуль. Но осмотрев ее, я не нашел каких либо следов от пуль. Фары были целы. Я открыл кабину. Я выключил фары, хотя они и так не горели: сел аккумулятор.

Я подошел к интернату. Внутри тоже были люди. Я зашел внутрь. Местный мужик возбужденно рассказывал.

– Всю ночь стреляли. Нас прогоняли. Не пустили и матерей. Осветили фарами, и давай их поливать из автоматов. А куда с тозовками против автоматов. Сперва они отстреливались. Так, изредка, видно, патронов было мало. Все трое, а потом реже. И совсем перестали. Может, патроны кончились, а может, уже... Вот, здесь один лежал, в той комнате, другой, третий подальше, через коридор.

Он называл имена ребятишек, показывал следы от пуль.

– Они ничего не говорили, не кричали, только отстреливались. Ни в кого не попали. А когда они перестали отстреливаться, все равно рассвета ждали, думали, они живые еще. А когда наступило утро, зашли, а они холодные давно... Жалко, пацаны ведь совсем...

Я ходил по интернату. В комнатах весь пол был усыпан штукатуркой, стены, потолки были в изрешечены пулями, в трех комнатах, на полу, кровь. Густая, и мне показалось, черная. Толпились люди, плакали женщины...

Я завел машину от рукоятки, поехал домой. Я не знаю, можно ли было сделать так, чтобы это не случилось. Вернее, чтобы они остались живы. Очень просто сказать, что они сами виноваты. И возражений этому вроде бы нет. Но все равно, в тебе что-то протестует. Да, они должны были быть наказаны. Но не такой мерой... Эта бойня на глазах жителей небольшого села не должна была произойти. О ней потом старались не говорить, разумеется, не писали в газетах. Ничего подобного до этого, после этого, в своем районе, да и в других районах я не слышал. И дай бог, никогда не услышать.

Но когда иногда услышу: «улаганские апачи», я вспоминаю эту историю, этих ребят, которые так и не поняли, почему жизни у них закончились так быстро...

КРАСНАЯ МАШИНА

Виктор Олегович депутатом стал случайно. Он работал преподавателем географии в местной школе. Как-то назревали ближайшей осенью очередные выборы, и его на школьном собрании голосованием поручили участвовать на выборах. В районные депутаты от коллектива школы. А что, есть за что. Он уже около пятнадцати лет, окончив институт, работает в одной школе. Не прогуливает, работает хорошо, от коллектива педагогического недовольств нет. Хороший семьянин, двое детей. Это все сказал директор школы, небольшой старичок в толстых очках. Еще он добавил, что коллектив школы должен проявить гражданскую сознательность, выдвинуть своего кандидата.

Виктор Олегович в это время, сидя в последних рядах, откровенно говоря, подремывал. Он всегда приходил на эти школьные собрания, проходил в задние ряды, усаживался, не очень-то вникал во всё происходящее, думал о своих проблемах. Начинать считать, когда нужно нести в банк деньги за кредит за этот месяц, есть ли у них столько; то вспоминает, какая же тема предстоящего урока. К урокам, как в первые годы своей трудовой деятельности, он особо не готовился, хотя планы писал регулярно. Заставляли.

Но в этот раз прерваться от своих мыслей заставила прозвучавшая из уст директора его фами-

лия. Пришлось вникать в ситуацию, разбираться, что происходит.

– Виктор Олегович, станете депутатом, добейтесь для нашей школы новый трактор, – продолжал директор, – наш совсем разваливается. Дрова заготавливать не на чем. А что вы будете депутатом, я, то есть мы, нисколько не сомневаемся. Звонил представитель партии, нашей, руководящей, они согласовали вашу кандидатуру. Так что, готовьтесь.

Выступили еще два человека, видно было, что они были готовы выступить, похвалили Виктора Олеговича, директор поставил на голосование. Проголосовали все. За это предложение.

Соперником его на выборах была санитарка больницы. Как потом узнал Виктор Олегович, чтобы кто-то был вместе, а не он один в бюллетене.

Став депутатом, он стал ходить на сессии. Сидел в третьем ряду, разглядывал важных людей из города, в костюмах и галстуках. Они говорили умные речи, неторопливо вышагивая между рядами к трибуне. Местное начальство осыпало их лестными речами, иногда что-нибудь дарило.

Но Виктору Олеговичу и здесь было скучно. Люди говорили о деньгах, о цифрах, некоторые кого-то критиковали, некоторые просили денег. Потом депутаты голосовали. Этот момент Виктору Олеговичу не нравился. Ему было сказано, чтобы при голосовании он ориентировался на однопартийцев, сидящих спереди. Если что непонятно, нужно голосовать, как будут голосовать они. Но

вопросов для голосования было много, бумаг еще больше, и Виктор Олегович не успевал не то что вникнуть, а даже пролистать документ, за который нужно было голосовать.

И на одной сессии он проголосовал не так, как проголосовали те, кто спереди. Вопрос состоял в следующем. За селом, за рекой, рос большой лес. Высокие, стройные деревья возносились своими кронами высоко вверх. Лес уходил высоко в гору, до вершины горы было километра два. Виктор Олегович не раз ходил по этому лесу, по грибы, по ягоды. А таких мест поблизости было все меньше и меньше. Иногда во время урока он проводил экскурсии с учениками младших классов. Они шли через лес в гору, и он рассказывал детям о природе. Про лес, про горы. Говорил, что, к сожалению, природа губится, и здесь не последнюю роль играет человек. Например, таких лесов, как этот, в округе уже почти не осталось, все вырублено. А дереву вырасти, нужно десятки, сотни лет.

И вот на сессии нужно было проголосовать, чтобы этот лес был отдан под рубку. Докладчик зачитал документ, какая будет выручка от продажи леса. Но на этот раз дружного голосования не случилось. Три депутата выступили за сохранение леса, а когда голосовали, на два голоса противников уничтожения леса оказалось больше. Тут то и поколебавшись, видя, как проголосовали его маяки, Виктор Олегович впервые проголосовал не так.

На следующий день его пригласили в администрацию. Партийный лидер, грузный, уже в годах мужчина, был в ярости.

– Мы на вас надеялись, Виктор Олегович, вы же видите, как наши голосуют, почему «против»-то проголосовали?

– Это единственное место вокруг села, погубим лес, погубим деревню. Не станет птиц, зверья. Да и людям куда ходить?

– Но вы это, не очень то, палку перегибать. Деревня живет, пока партия жива. Мы не дадим ей умереть. И она будет жить и процветать и без вашего леса. А лес нужен. Чтобы дома строить, чтобы деньги в казне были.

– Я географ. Недавно только детям рассказывал, что одно из богатств на земле, это лес. И его становится все меньше и меньше. И в пример приводил этот лес. Наш. Мы его уничтожим, я, как депутат, как буду детям в глаза смотреть?

– Ты здесь демагогию не разводи. Кто думаешь, твои слова помнит. Что, детям больше делать нечего, помнить, что географ сказал. Тоже мне, нашел богатство – лес. В общем, так, на следующей сессии этот вопрос будет стоять снова. Надо будет за него проголосовать. Ясно?

Учитель молчал.

– Идите.

Когда он ушел, сидящие переглянулись. Тот, главный, спросил: «Как думаете, проголосует?»

Все молчали. Потом, второй сказал: «Думаю, нет. Я его знаю. Тут надо как то по- другому. Заин-

тересовать. Может, ты Петрович, подумаешь? Ты ведь с ним в одном классе учился»

Кирилл Петрович, друг предпринимателя, который и собирался заниматься заготовкой этого леса, молчал. Думал. Потом сказал: «Да он правильный больно. Но есть у меня одна мыслишка. Но нужны средства. Заинтересовать».

– Ладно, действуй. Средства найдем.

Дом учителя стоял на одной улице с домом Кирилла Петровича. Через два дома. Хотя и детство прошло, и учились они вместе, особой дружбы между ними не было. Но не было и вражды. Дом у Виктора Олеговича был казенный, за эти годы нажил мотоцикл и двоих детей. А Кирилл Петрович нигде не учился, он коммерсант, постоянно что то продавал, или покупал. То дрова, то металлолом, то лес. И дом у него был отстроен двухэтажный, и две машины у него было в одном огромном гараже.

И как то вечером постучал он в дверь к соседу.

– Привет, Олегыч. Что, к урокам готовишься? Привет, пацанье!

Он потербил ребятишек, возящихся на диване, за волосы.

– Подрастают они у тебя, молодцы. Витя, пойдем на улицу, покалякаем.

– Слушай, Виктор Олегович, – начал он без всяких предисловий, – ну надо проголосовать. Как думаешь?

– За это голосовать не буду, Кирилл. Депутатство брошу, если надо.

– Да ты не кипятись. Подумай. Я вот смотрю, знаешь, чего в вашем дворе не хватает?

– Чего?

– Машины.

– Какой машины?

– Настоящей. Чтобы детей катать. А то вижу, ты с этим старым мотоциклом совсем замучался. Все копаешься и копаешься в нем.

– Я что-то не пойму, о чем ты. Машину мне хочешь купить?

– Я – нет. Но есть люди, которые могут это сделать. Помнишь, как мы в детстве мечтали? Я мечтал о шикарном американском мотоцикле, а ты мечтал о машине. И чтобы она была красной, только красной и никакой другой. Помнишь?

– Как не помнить, помню, – улыбнулся Виктор Олегович.

– Нам не хватало двух голосов. С одним депутатом мы договорились. Он проголосует, как надо. Теперь слово за тобой. Если вопрос пройдет, люди обещают подарить тебе машину. Красную.

– Кирилл, давай закончим этот разговор. Я уже все сказал.

– Хорошо, ты молодец. Но все-таки подумай. Сессия через неделю. Одно твое поднятие руки, и через месяц у тебя во дворе будет стоять красивая красная машина.

Все последующие дни, до сессии, Виктора Олеговича одолевали разные мысли. Он спокойно отнесся к разговору с Кириллом, и пару дней даже об этом не вспоминал. Но потом то одна мысль, то

другая, вселялись в его голову, не давая покоя: «Вот взял я кредит. Вроде бы сумма небольшая, а ползарплаты нужно отдать. И платить пять лет. И вроде бы ничего и не взяли большого. Только новый холодильник, второй. Долги были, у тещи занимали, отдали, ребятишкам одежду, то, се, и денег нет. А машину он действительно мечтал купить. А ведь он и забыл, что мечтал именно о красной. А Кирилл помнит, напомнил.

А что лес, его все равно... ой, о чем я».

Такие мысли. Ведет урок, а в голове эти мысли, спать надо, не спит, опять эти мысли не дают. Со всем измучился. Вроде бы и решил за себя давно, что не будет голосовать, как ему говорят, но что-то опять возвращало и возвращало его к этому лесу, машине...

На сессию он пришел измученным и растерянным. Кое-как заставил себя прийти. Встретился Кирилл Петрович, скорее всего, он поджидал его. Тихо шепнул на ухо:

– Мне позвонили, красная машина ждет отгрузки.

Виктор Олегович ничего не ответил, пошел на свое место. Сердце его выпрыгивало из груди, давно он так не волновался. Он мало соображал, какие вопросы звучали, за что голосовали. Он ждал только тот вопрос, о лесе. Наконец, председательствующий поставил на голосование этот вопрос. До этого самого момента не знал Виктор Олегович, как будет голосовать. Но руку поднял...

Потом стал он считать дни, когда пройдет месяц. Придумывал, как, что будет говорить, если появится у него во дворе новая машина. Представлял, как будет выезжать его семья на машине, на природу, в город, как он будет с ребяташками мыть ее, будет покрикивать на них, если они будут баловаться, сидя на заднем сиденье...

Но прошел месяц, затем второй. Машины все не было. Хотел было подойти к Кириллу, спросить, но не решался. А Кирилл, когда встречались, так же приветливо с ним здоровался, задавал дежурные вопросы, типа, «как дети, семья», и уходили каждый своей дорогой. Друзьями они не были, но соседи же всё же.

Как-то проходя мимо дома Кирилла, Виктор Олегович увидел, как строители поднимали сруб нового гаража, рядом с большим гаражом. «Для третьей машины», – подумал он.

А ночью ему приснился сон. Лес около села срубили, проложили новую дорогу. И летит он за рулем новой красной машины по этой дороге, а дорога ведет все дальше и дальше. И вдруг она прерывается. И он летит в пропасть...

– Проснись, проснись, чего орешь? – тормозит его супруга. – Приснилось чего?

Виктор Олегович просыпается, весь в поту, приходит в себя.

– Витя, что с тобой, что-то страшное приснилось?

– Да, приснилось. Да лучше бы не приснилось, лучше бы уж наяву...

ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Марал лежал, когда мы вышли к поляне. Но лежал не как подстреленное животное. Не на боку, а на четвереньках, и голова его была высоко поднята, его красивые рога, из шести или семи отростков, возвышались над головой.

Это было после армии. Как-то снарядились мои знакомые сверстники на охоту, меня с собой позвали. Было нас семь человек, из них трое взрослых. Ехали мы в тайгу, все с ружьями, на лошадях. Выехав днем, мы переночевали в аиле одной из летних стоянок, на следующий день ехали еще полдня. Взрослые иногда просматривали склоны гор в бинокль, и мы ехали дальше. На одном из склонов заметили медведя. Это было далеко, километра три, рассмотреть можно было только через бинокль. Пока мужики советовались, мы по очереди, передавая бинокль (он был один) друг другу, рассматривали медведя. Он казался совсем маленьким, мирно щипал траву, ни на что не обращая внимания. Посоветовавшись, учтя рельеф, направление ветра, взрослые разделили нас на три группы. Подъехав через лес ближе к склону, одна группа пошла направо, вторая налево. Третья группа, в которой оказался и я, должна была оставаться здесь, в лесу. В этой группе были все новички, как и я.

Теперь медведя, а это была медведица, как сказали взрослые, было видно хорошо, до нее было

около километра, может, меньше. Она также спокойно щипала траву, на склоне ее было видно, как на ладони. Мы тихо стояли и наблюдали, как будут развиваться события. Через некоторое время мы заметили несколько точек внизу склона, слева. Это были охотники первой группы. Потом появилась и вторая. Медленно эти точки двигались по склону. Медведица ничего не замечала. Потом мы услышали выстрелы. Нам показалось, что зверь даже не шевельнулся. Выстрелы затихли. Точки (охотники) стали приближаться к медведице. Потом мы услышали еще два выстрела, все охотники двух групп были уже у медведицы. Они начали махать руками и кричать нам. Мы поскакали к ним.

Медведица лежала, уткнувшись головой о землю. Мужики, возбужденные удачной охотой, наперебой рассказывали.

– Видно, она от первой пули и...

– Да, она даже не побежала, не прыгнула в сторону.

– Да и выстрелы-то были почти одновременно, может и от первой пули, может и от второй.

Как сказали охотники, медведице было года два-три. Ее стали переворачивать на спину, готовились ножи к свежеванию.

– Когда сейчас снимем шкуру, она будет выглядеть, как голая женщина, – говорил, посмеиваясь, самый старший из охотников, начиная разделку.

Четыре человека быстро сняли шкуру с медведя, выпрямили шкуру.

– Смотрите, чем не баба, – хохотали мужики, – а ну, молодежь, смотрите, кто не видел голых женщин.

На собственной шкуре лежала медведица. Действительно, туша напоминала человека. Но я бы не сказал, что было похоже на женщину. Опыта по разглядыванию голых женщин у меня не было. Я вспомнил только, как мы с мамой мылись в общественной бане, мне было года два, три, и там было много раздетых женщин, но тогда я и не глазел, интереса, видимо, не было. Молодой еще был.

Туша медведицы была разделана на большие куски, они были подвешены на сучья деревьев, чтобы остыли. Мы поели, разговоры были только о прошедшей удачной охоте. Мы поехали дальше.

Не успели мы выехать из леса, передние дали нам знак остановиться. Мы остановились, тихо спешились.

– Марал впереди. Вы оставайтесь здесь.

Двое, оставив нам лошадей, пригибаясь, пошли вперед. Потом мы услышали два выстрела. И свист, это сигнал нам.

– Думаю, что попал, – сказал один из тех двоих, – сейчас посмотрим, есть ли кровь.

Мы подъехали к месту, где предположительно стоял марал. На траве мы увидели следы крови.

– Кровь обильная, ранение серьезное, далеко не уйдет. В погоню.

Кровь мы видели даже верхом на лошади. Следы крови вели в лес, через некоторое время мы вышли на поляну.

Сначала мы увидели рога. Потом увидели высоко поднятую голову марала. Он лежал. Охотники попрыгали с лошадей, опережая друг друга, на ходу заряжая ружья, побежали к маралу. Бегая вокруг марала, молодые охотники стреляли в марала. А он не падал, то есть так и оставался лежать, высоко подняв голову. Это злило стрелков, они громко ругались, все бегали вокруг марала и стреляли.

– Друг друга не перестреляйте, дураки! – крикнул один из старших.

А марал все не сдавался. Пули глухими щелчками попадали в тело марала, марал вздрагивал, не издавая ни звука, чуть покачивал головой. Потом медленно стал опускать голову, рога воткнулись в землю. Выстрелы прекратились. Но охотники что-то громко говорили, перебивая друг друга.

Я подошел к маралу. Спина у него была вся в крови, из живота вывалилась часть кишок, или еще чего внутреннего. Он уже не дышал, но тело еще делало какие-то движения. Глаза его были открыты, и казалось, они смотрят на меня. Потом они медленно стали закрываться, а когда его веки сомкнулись, из глаз покатились большая прозрачная слеза...

Потом привычно разделывалась туша, мясо развешивалось на деревья, на большом костре жарились мослы марала, разрубались топорами, и поедался костный мозг. Все были возбуждены, по несколько раз рассказывали эпизоды охоты, долго не ложились спать.

А я лежал и смотрел на небо. Оно было безоблачным, стали появляться звезды. Я все пытался отвлечься на какой-либо звезде, стараясь ее разглядеть.

Но перед глазами стоял (хотя и лежал) марал, гордо подняв голову с красивыми ветвистыми рогами, и смотрел на меня большими невинными глазами, а из глаз текли слезы...

Никогда после этого случая, участия в таких мероприятиях я не принимал.

ДВОРНИК

– Идет, идет!

Кто-то из мужиков тихо крикнул, и все повернули головы в сторону подъезда дворника Семеныча. Из подъезда вышел военный. Вернее, пожилой мужчина в военной форме. Было ему лет семьдесят, небольшого роста, лицо было покрыто следами то ли от ран, то ли от болячек, через лоб пробегали широкие и глубокие морщины, на левой щеке шрам, большой красный шрам. Глаза ни о чем не говорили, по ним нельзя было определить, какое у него сейчас присутствие настроения. Но настроение выдали губы: он улыбался.

Он подошел к мужикам. Рядом с детской площадкой, под деревьями, был сколочен большой деревянный стол. Вокруг стола были скамейки, мужики, усевшись на них, вечерами рубились в домино. Но сейчас был не вечер, было утро, утро 9 Мая. А собрались здесь те мужики, кто не ходил смотреть на парад, кто не хотел, а кто и не мог. По причине старости. Но была и другая причина, почему они собирались в последние годы за их любимым столом. Да, было интересно наблюдать, как выбегали красивые и нарядные школьники из подъездов их старой пятиэтажки, как неторопливо и важно шли их родители, также в лучших нарядах. Они делали замечания своим детям, оглядывались, поглядывали на небо, – не подведет ли погода, – и,

поздоровавшись с доминошниками, направлялись в сторону площади. Ребятишки суетились, размахивали флажками, надували шары, громко смеялись и убегали за родителями. С площади уже доносилась маршевая музыка. Но мужики ждали Семеныча.

И вот он, наконец, выходил. На нем была военная форма, выглаженная, красивая, в позолотах, в медалях. Все блестело: козырек фуражки, пуговицы, звездочки на погонах, по четыре штуки на каждой: капитан.

Он подходил к мужикам, здоровался, приветливо улыбался. Вытаскивал пачку дорогих сигарет из кармана, угощал тех, кто курил, закуривал сам. В это время пробегающие мимо пацаны останавливались, разглядывали военного, некоторые удивлялись, узнав дворника, здоровались.

Семеныч докуривал сигарету, притушив, бросал в урну.

– Пойду.

– На парад?

– На парад.

Он уходил, мужики смотрели вслед, пока он не исчезал за домом.

– Да, один он остался из ветеранов в нашем доме. Карла Ивановича, мы, когда похоронили, года четыре назад?

– Три, три года назад. Последний ушел. Восемьдесят пять лет было. А так у нас в доме ветеранов войны человек десять было. Всех похоронили. А Семеныч какой ветеран, молодой же.

– Так он говорят, в Афгане служил. А кто в горячих точках служил, те приравниваются к ветеранам войны.

– Да, приравниваются. У него боевая награда есть – «За боевые заслуги». А это серьезно. Ну, остальные медали так, юбилейные.

– А сколько он у нас живет-то, лет десять?

– Да, если не больше.

– Так и живет один.

– Была у него жена, говорят. Да у него ничего и не расспросишь. И про Афганистан я как то спрашивал, ничего не сказал.

– А кто, говорят, войну близко видел, не любят об этом говорить. А кто балаболит много про войну, тот или в тылу проторчал, или кашеваром был.

– Это точно.

За этими заговорами, нехотя поигрывая в домино, мужики ждали возвращения Семеныча. Часа через два-три снова с шумом и смехом возвращались ребяташки с парада, шаров уже не было, флажки были уже порваны или потрепаны, за ними возвращались их родители, а музыка все играла и играла.

Возвращался и Семеныч. В руках у него был пакет. Он подходил к мужикам, выкладывал на стол колбасу, хлеб, бутылку водки. Пакет опустошался наполовину.

– Выпейте, мужики. За тех, кто воевал.

– Семеныч, ты хоть присядь с нами. Стопочку выпей.

А Семеныч только улыбался, говорил: «С праздником, мужики», – и уходил. За ним закрывалась металлическая дверь подъезда, а мужики некоторое время молчали и смотрели на эту дверь. Но уже через полчаса они, перебивая друг друга, будут спорить о чем-то, громко стуча костяшками, продолжая эту бесконечную игру. Потом кто-то сбегает домой, за другой бутылкой, или пошлют кого-то, «молодого», в магазин. И веселье продолжится. Но сегодня можно, праздник все-таки.

А Семеныч заходил в свою квартиру. Усаживался на диван, и некоторое время так и сидел, в форме. Только фуражку положит рядом. Потом он снимал военную форму, аккуратно располагал на вешалку. Фуражку оборачивал марлей в несколько слоев. Форму прятал в шифоньер. До следующего года.

Потом он накрывал на стол. Выкладывал водку, колбасу, вытаскивал из холодильника банку с помидорами и огурцами, нарезал хлеб. Наливал в стакан, выпивал, закусывал.

Вспоминал.

Рос он в детдоме. Он не знал, как туда попал, когда. Некоторые дети, став взрослее, искали своих родителей, даже находили. А он не искал, он не помнил ничего, кроме детдома, видимо, слишком маленьким там оказался. Учился хорошо, мечтал стать летчиком. С детства рисовал самолеты. После восьмого класса почти все его одноклассники ушли учиться в училища: кто на плотника, кто на сварщика. Закончив десять классов, поступал в во-

енное училище. Не поступил. По математике не прошел. Ему казалось, что решил он хорошо, даже подсказывал пацану по парте, как решать. А тот пацан поступил. Его встречал после экзамена военный, видимо, отец. Потом он посадил сына в черную машину, и они уехали.

После неудачного поступления он работал на мебельной фабрике. Собирался в армию. Встретил своих одноклассников, с которыми он учился до восьмого класса. Они уже были взрослыми, работали на стройке, могли и выпить. Тем более, после встречи одноклассников, что может быть. Пошли на танцы, устроили драку с другой компанией. И одного из них сильно покалечили. И вместо армии оказался в тюрьме. На три года.

После тюрьмы там и остался. Вернее, в том же северном городке, где сидел. Работал на стройке, по вахтам мотался. Там и женился. Решили с супругой на материк переехать. Деньги были, купили на юге домик. Прожили пять лет. Детей не было, жена не хотела. А потом и вовсе сбежала, с другим. Все деньги, что дома были, прихватила. Искать он ее не стал, опять поехал по вахтам. Шли годы, уходило и здоровье. Вернулся в город, где жил в детском доме, купил квартиру в пятиэтажке. Также работал на стройке, пришел пенсионный срок. Работу бросил, тяжело. А потом устроился дворником, у себя во дворе. Уже больше десяти лет. Так и не женился. Одноклассники все умерли. Кто от водки, кто покалечился на стройке. Других друзей не заводил.

Он налил еще водки, выпил. Подошел к зеркалу. На него смотрел старик. Старик с потухшими глазами, с морщинистым лицом и большим шрамом на левой щеке: память о тюремном периоде.

Он сел на диван. Стал оглядывать свою квартиру. Она была более чем скромной: диван, кровать, стол, несколько стульев и шифоньер. Над кроватью небольшой дешевый ковер, на стене несколько картин самолетов из журналов.

Он продолжил вспоминать. Однажды, по каким-то делам, он оказался в соседнем городе, который был больше его родного, в несколько раз. Сходил к военному училищу, куда он пытался поступать в детстве. Постоял, посмотрел. Рядом с училищем был военторг, магазин. Зашел, и долго бродил по залам. В одном зале он увидел военную одежду. Начал рассматривать. Подошла продавщица.

– Вам форму подобрать? У вас какой размер?

Он выходил из магазина с колотящимся сердцем. Он в жизни так много не врал. Врал, что ищет новую одежду, что другую не выдают, что его уже комиссовали, а его форма уже устарела, порвалась. Врал, что звание его капитан, когда покупал погоны и звездочки.

Не было только фуражки. Он ее все-таки позже достал. На рынке искал, и купил медали.

Когда в первый раз он вышел в военной форме, ему казалось, что он идет голым, будто все смотрят только на него. Он быстро прошел мимо дома, его даже не узнали. Но возвращался он уже более уве-

ренным. И завернул к мужикам-доминошникам. В руках у него был пакет...

Он встал с дивана, подошел к столу. Это было уже в пятый раз, как он в форме пришел с парада. А недавно, перед праздником, нагрянули журналисты, стали расспрашивать, хотели написать про него в газете. Как он изворачивался! А еще соседка, учительница, просила встретиться с мальчишками ее класса (она классный руководитель), рассказать про службу в армии. Снова отнекивался, как мог.

Выпив еще раз, он прошел к дивану, тяжело плюхнулся на него. Так он и сидел неподвижно, а по телику маршировали военные, громыхали по мостовой Красной площади танки...

ЧИНОВНИК

Шел снег. Девочке трудно было идти по выпавшему снегу, он был глубокий, идти он начал еще со вчерашнего вечера. Редкие машины оставили колею, а по колее идти легче, и девочка шла по колее. Но по колее ноги скользят. Хорошо, остановка рядом. Обычно девочке было видно из окна, подъезжает ли автобус, но сегодня она не дождалась автобуса, и вышла. Если автобус задержится минут на десять, значит, он не придет совсем, он в гору не может подняться, если трактор дорогу не успел прочистить. А трактора сегодня не было, значит, ей придется идти на другую остановку, потому что автобус не придет.

На остановке стояло несколько человек, среди них один мужчина громко ругался.

– Не могут даже дорогу почистить! Что толку от этих чиновников, вывешят свои портреты, а потом исчезнут после выборов. Разогнать их к чертовой матери!

Он показывал на вывешенные плакаты на автобусной остановке, и, продолжая ругаться, направился в сторону другой остановки. Остальные люди, ничего не говоря, побрели за ним.

Девочка подошла к плакатам. На них были фотографии людей, ниже было что-то написано. Люди были красивые, хорошо одетые. «И чего этот

дядька ругался на них, очень даже симпатичные», – подумала девочка.

Тут она под сиденьем остановки увидела какую-то маленькую куклу. Она была припорошена снегом, нельзя было понять, что это. Девочка подняла куклу, стряхнула снег. Это был или мышонок, или медвежонок. Но очень грязный. Нельзя даже было понять, какого он был цвета.

– Я тебя заберу. Откуда ты появился? Ты замерз лежать на снегу, дай я тебя под пальто посажу. Сиди там, грейся.

Девочка тоже пошла за людьми, к следующей остановке. А снег шел и шел. Она знала, что сегодня опоздает к началу урока. Опять учительница будет ругаться, говорить, что надо рано вставать. Девочка училась в первом классе. Ей не нравилось рано вставать. Но учиться надо. Так мама говорит.

Она медленно брела по снегу и разговаривала со своей находкой.

– Вот откуда ты взялся, сидел бы себе дома, а на улице холодно, ты даже шарф не завязал. А-а, его у тебя нет. Что, потерял? И почему такой грязный? Вечером я буду тебя мыть. Только надо, чтобы папа не увидел. Он сразу тебя выбросит. Он не любит, когда я что-то приношу. Недавно я котенка домой принесла, он тоже сидел на остановке, и мяукал. Так папа взял и выкинул. Сердца у него нет. Так мама говорит. Ну что, отогрелся?

Девочка остановилась, нащупала свою находку, на месте ли. Убедилась, что на месте, успокоилась.

– А как тебя зовут? Что не отвечаешь, имя свое забыл? Я тебя вечером отмою, и ты будешь таким же красивым, как те дяди на плакате на остановке. Их тот дядька чиновниками называл. Давай и я тебя «Чиновником» буду звать. Все, мы дошли, и как раз автобус стоит. Я тебя в сумку переложу, а то опять потеряешься. Чиновники не должны теряться.

Вечером она очень долго мыла Чиновника в раковине. Прислушивалась, не идет ли к ней кто, ее комната была на втором этаже. Сколько она его ни терла, вода все равно была грязной. Наконец работа была закончена, но она еще долго вытирала куклу, оборачивала в полотенце, прятала за спину, когда появлялся папа. Потом она положила его на батарею.

– Обсыхай, лежи. Я пойду кушать, потом уроки буду делать. Никуда не убегай.

Перед сном девочка незаметно от родителей положила Чиновника под подушку, а когда родители потушили свет в ее комнате и ушли, взяла Чиновника к себе и еще долго с ним шепталась. Потом она уснула. Девочка лежала, посапывая, изредка шевеля губами, а руками прижимала к себе еще влажного, но теплого друга, которого она нашла сегодня.

С появлением Чиновника обязанностей у девочки прибавилось. Кроме того, что она сама готовила уроки, нужно было учить и Чиновника. У него появилась своя тетрадка, в которой были записаны, на каждой странице по одному, предметы, и

проставлены оценки. Он их получал каждый день. Судя по оценкам, учился Чиновник неважно. В основном это были тройки, иногда двойки. Изредка можно было встретить четверки, ещё реже – пятерки. Девочка его ругала.

– Но это что за учеба? Куда у тебя буквы за поля побежали? И почему одна буква меньше, чем остальные? По русскому совсем плохо. А почему задание по математике не сделал? Опять целый день с телефоном играл? Добьешься, я отберу у тебя телефон, и больше не отдам. И что интересного в этом телефоне видят? Раньше вообще телефонов не было. Так мама говорит. Но я не верю, как так может быть, чтобы телефонов не было? Пугает просто, наверное. Но ладно, мы отвлеклись. Заканчивай с уроками, кушать, и готовься спать. Погулять ты сегодня не успеваешь.

Перед сном она укладывала Чиновника рядом с собой, прятала под одеяло, когда появлялся папа. А мама наоборот, подкладывала девочке под одеяло какую-нибудь мягкую игрушку, их у девочки было много. И мишка, и зайчик, и бельчонок, и еще и еще. Но когда родители уходили, она оставляла около себя только Чиновника, и они ещё долго шептались.

– Что ты сказал, нет, не знаю, завтра спрошу. Вот ты старайся учиться хорошо, не ленись. Утром надо зарядку делать, неохота конечно, но надо. Без учебы сегодня никуда. Так мама говорит. Ну а теперь я тебе сказку расскажу. Про Мишку и Белку. Слушай. Были два друга, один Мишка, другой Бел-

ка. Как думаешь, надо говорить «один» или «одна»? Я тоже не знаю. Так вот решили эти два друга пойти... пойти... пой...

Глаза у рассказчика закрываются, губы продолжают двигаться, но звуков уже нет. Она засыпает...

Утром, за завтраком девочка спросила у папы: «Папа, а ты чиновник?» Тот, пережевывая пищу:

– Чего тебе надо?

– Работаешь, в костюме ходишь, галстук носишь, значит, ты чиновник?

– Ну, в какой-то мере, да.

– А ты хороший чиновник?

Мама встревает в разговор.

– Отстань от папы, скорее ешь, и в школу. Ты еще сумку не собрала. Опять целый вечер с телефоном сидела. Отберу я ее у тебя.

Папа тоже добавляет: «По математике почему у тебя тройки? Чем с куклами вечерами сидеть, математику учи».

Так и не выяснив, хороший ли ее папа чиновник, девочка допила чай и пошла собираться в школу. А спросила она вот почему. В какой-то день, уже после уроков, она играла в песочной куче, за оградой. А к папе приехала машина. По работе он иногда уезжал на несколько дней. За ним приезжала машина, как в этот день. А прошедшие дни были дождливые, на дороге грязь. Когда папа сел в машину, и она уехала, проходили две женщины. Девочка услышала обрывок их разговора, сидя за песочной кучкой. Девочку они не заметили.

– Пройти невозможно, ужас. Сколько можно эту грязь месить. И когда они дорогу подсыпают. Говоришь им, говоришь.

– А чего им, их на машине подвозят, им не до нас.

– Да, начальники-чиновники, когда они к нам лицом повернутся...

Время шло, вот уже будет год, как девочка нашла Чиновника. Это был самый ее лучший друг. Она могла ему рассказывать свои секреты, учила его уму-разуму, куда бы она ни шла, брала его с собой. Вечерами она рассказывала ему сказки, пела песенки, ей казалось, что он все понимает. Вот только никому не нравилось, что его зовут Чиновник. Со временем девочка поняла, что в основном чиновников не любят. И так же не любили и его Чиновника. Как не объясняла девочка, что ее Чиновник хороший, умеет слушать сказки, читать и писать, ее подружки собирались отдельно от нее, играли со своими многочисленными «барби». Она оставалась одна, вернее, со своим другом, маленьким, потрепанным Чиновником.

– Я знаю, тебя не любят, но я тебя никогда не брошу, все говорят, что у них куклы красивые, пусть. Зато ты у меня самый умный.

И она крепко-крепко прижимала к груди маленькую куклу.

Как это случилось, непонятно, но однажды Чиновник исчез. Девочка обшарила сумку, перевернула белье на кровати, просмотрела все полки,

ползала под кроватью, ходила вокруг дома. Чиновника нигде не было. Девочка плакала.

Вечером, когда мама с папой уселись кушать, девочки не было. «Где она?» – спросил папа.

– Куклу потеряла, сидит, переживает.

– Какую куклу?

– Да старую, где-то выронила, наверное. Все время таскала с собой.

– А я не замечал, что-то. Подумаешь, кукла. Завтра свожу в магазин, пусть выберет, какую надо. Хотя у неё итак, этих игрушек полно.

Ужинать девочка так и не пришла.

В выходной день, мама напомнила сидящему перед телевизором папе, что он обещал купить куклу дочери. Папа нехотя оторвался от телевизора.

В магазине игрушек глаза разбегались от разнообразия товара. В нескольких залах чего только не было! Книжки-раскраски, машинки маленькие и большие, на которых даже можно ездить детям, мячи, костюмы для маскарадов, различные игры, даже с музыкой. Они, наконец, дошли до отдела с мягкими игрушками.

– Выбирай, какой хочешь.

Здесь был огромный медвежонок, длинный крокодил, как настоящий, львенок, слон, щенок, собачка, зайчики, чебурашки...

Девочка посмотрела, ни на одном не остановила взгляд.

– Здесь нет Чиновника.

– Какого чиновника, черт возьми! Так много игрушек, и ни один не нравится?

– Мне Чиновник нужен.

Домой они возвращались все же со свертком. Папа сам выбрал игрушку. Симпатичную собачку.

Дома он развернул упаковку, собачку положил на кроватку девочки.

– Чем не игрушка, очень даже хорошая.

Когда папа ушел, девочка швырнула собачку на пол, уткнулась лицом в подушку. Задержались плечи. За всем этим наблюдала в приоткрытую дверь мама. За ужином сказала: «Совсем раскисла с этой своей куклой. Не ест толком, уроки не учит. Не знаю, что делать». Отец был зол.

– Ерунда все это. Дурь детская, пройдет. Нашла, из-за чего страдать.

Прошла неделя. Выпал первый снег. Увидев утром в окно падающий снег, девочка засмотрелась не снежинки. Вдруг она сорвалась с места, стала одеваться впопыхах, побежала к выходу.

Мама испугалась: «Ты куда?» Девочка крикнула: «Он вернулся!», убежала на улицу.

А снег был глубокий, как год назад. Девочка загребала обувью снег, снег таял, но она не обращая внимания на это, быстро шла к остановке, шепча: «Он пришел, он вернулся...» Под навесом остановки снега еще не было, было тихо, без ветра, снег сюда не залетал. Девочка смотрела в то самое место, под скамейкой, где она нашла Чиновника. Там ничего не было. Ничего не было и в других местах, ни на скамейке, ни под скамейкой. Вернее, были. Две пустые пачки из-под сигарет, обрывки

бумаг. Но Чиновника не было. Девочка медленно пошла обратно. Навстречу бежала мама.

В школу она не пошла. У неё поднялась температура, целый день она пролежала на кровати. Мама давала пить, приезжал врач, что-то спрашивал, говорил с мамой.

К вечеру ей стало лучше. Она уснула. И ей приснился сон.

Она оказалась в чужой стране. И первым кого она увидела там, был её Чиновник! Он был ростом с неё, был опрятен, чист, весело говорил с ней.

– Это моя страна. Называется страна чиновников. И здесь нас, чиновников любят.

Девочка с Чиновником шли по улице. Она была чистой и ухоженной, но все равно какие-то люди в костюмах и галстуках подметали улицы, собирали бумажки. Чиновник их поприветствовал.

– Здравствуйте, чиновники! Вы у нас самые хорошие, мы вас всех любим!

Они тоже приветливо отвечали. Девочка была в замешательстве.

– У вас тут не ругают чиновников?

– А за что их ругать? Смотри, у нас здесь автобусы ездят по расписанию, минута в минуту, не опаздывают.

– А если снег пойдет?

– А ты же видела наших чиновников на дороге. Так вот, когда пойдет снег, наши главные чиновники, в костюмах и галстуках, берут лопаты и на дорогу, снег чистить. Автобус первый пойдет, пусть хоть снег идет, а дорога чистая. И едут в ав-

тобусе, хоть школьники, хоть взрослые, чиновникам машут, спасибо им говорят.

– А дома, с флагами, где чиновники сидели, что там? Туда люди не ходят?

– Почему не ходят, ходят. Только там теперь все старые люди живут. На всем готовом. Их там и кормят, и всем обеспечивают. И машины, что там были, все им оставили. Куда-нибудь надо, старому человеку, в больницу, или еще куда, он трубку поднял, через минуту машина у порога. Заправленная, чистая. А люди к ним ходят, советы спрашивают. Очереди даже бывают. Если что надо, они подскажут, как жить. Но, или помочь кому-нибудь чем-то. Хотя и без этого чиновники знают, что им надо. Вот человек не успел подумать, что на дороге грязно, подсыпать бы песку надо, а уже такие же нарядные чиновники в галстуках на машине приехали, и песку подсыпали, а к вечеру и асфальт уложили.

– Здорово!

– Да не здорово это, а нормально. Но все, время твоего пребывания заканчивается, пойдем, я тебя провожу. К нам, в нашу страну на экскурсию только в год один раз полагается, и то только на полчаса.

– Но ты же жил у меня. Как ты у нас оказался?

– Когда сказали, что в вашей стране есть чиновники, я поехал к вам. Жить. Я был таким же большим, как сейчас. Но оказалось, что у вас другие чиновники, они только для себя живут, не как наши чиновники, которые для людей стараются. Я не мог к этому привыкнуть, стал уменьшаться, и

совсем маленьким стал, каким ты меня нашла. Ты меня любила, но остальные меня не любили, поэтому я убежал из вашей страны. И теперь стал нормальным. И к вам больше не хочу.

– А как же я? Я не могу без тебя! Что нужно сделать, чтобы снова ты у нас появился?

– Нужно очень немного. Чтобы ваши чиновники стали такими же, как наши. Тогда и ты свободно можешь ездить к нам, и я смогу в любое время прийти к тебе. А пока...

Глаза у девочки были полные слез, она готова была разреваться.

– Не плачь. Но тебе я очень благодарен. Спасибо тебе. Прощай...

Девочка проснулась. И стала реветь. Было уже утро. Услышав шум, мама поднялась в комнату дочери. Она сидела и громко ревела.

– Доченька, что с тобой?

Ничего не сказав, продолжая реветь, девочка побежала вниз, нашла папу, умывавшегося в ванной.

– Папа, ты будешь хорошим чиновником?

Папа ничего не понимал. Дочь ревела, не унималась.

– Папа, скажи мне, когда ты станешь хорошим чиновником?

– Доченька, что с тобой? У неё нет температуры?

Стоявшая рядом мама приобняла дочь, потрогала ее лоб. Но девочка вырвалась из маминых рук, продолжая реветь, схватила швабру, стала бить по унитазу и кричать: «Я прошу, папа, умоляю, стань

хорошим чиновником, сделай так, чтобы все чиновники стали хорошими!»

Отец схватил девочку, отобрал швабру, но девочка вырывалась, отбиваясь руками и ногами, стараясь вырваться. Кричала и редела, редела и кричала: «Станьте хорошими чиновниками, я прошу! Станьте хорошими, неужели так трудно...»

Отзывы направляйте по этому адресу:
jadaganov@yandex.ru